

Воробей под святой кровлей

Автор:

[Эллис Питерс](#)

Воробей под святой кровлей

Эллис Питерс

Хроники брата Кадфаэля #7 Шедевры исторического детектива (Рипол)

Детективный роман английской писательницы Эллис Питерс (1913–1995) из серии о расследованиях сыщика-любителя брата Кадфаэля. Во время свадьбы Даниэля Аурифабера и Марджери Бель неизвестными похищены драгоценности. В краже обвиняют юного бродячего артиста, и он просит убежища в аббатстве Шрусбери.

Эллис Питерс

Воробей под святой кровлей

Ellis Peters

The Sanctuary Sparrow

© Storyside. 2022

© Стреблова И. П., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2022

* * *

Видите того пожилого монаха

в подоткнутой рясе? Сейчас утро, и брат Кадфаэль

возится в своем садике:

собирает лекарственные травы,

ухаживает за кустами роз.

Вряд ли кому придет в голову,

что перед ним – бывший участник

крестовых походов, повидавший полмира

бравый вояка и покоритель женских сердец.

Однако брату Кадфаэлю приходится зачастую

выступать не только в роли врачевателя

человеческих душ и тел, но и в роли

весьма удачливого, снискавшего славу детектива, —

ведь тревоги мирской жизни не обходят стороной

тихую бенедиктинскую обитель.

Не забудем, что действие «Хроник брата Кадфаэля»

происходит в Англии XII века,

где бушует пожар междоусобной войны.

Императрица Матильда и король Стефан

не могут поделить трон, а в подобной неразберихе

преступление – не такая уж редкая вещь.

Так что не станем обманываться

мирной тишиной этого утра.

В любую секунду все может измениться...

Глава первая. В ночь с пятницы на субботу

Все началось, как начинаются великие бури, – с легчайшего трепетания воздуха. Сперва послышался очень далекий и слабый, едва различимый звук; хорошее ухо, способное его уловить, мгновенно настораживалось и, отвлекаясь от всех посторонних шумов, напряженно вслушивалось, стараясь разобрать, какую весть он несет. У брата Кадфаэля слух был как у зайца, отзывчивый и чуткий. Он встрепенулся на первый слабый звук гона, донесшийся из-за Северна, и, затаив дыхание, стал напряженно слушать.

Звук мог быть и совершенно невинным, не потому, что в нем не было намека на кровопролитный исход, а потому, что он мог быть природного происхождения: это мог быть крик охотящейся совы или хищное потягивание лисицы, которая рыщет в ночи, обходя дозором свои владения. Одно можно было сказать с

уверенностью: в этом звуке явственно пробивалась свирепая нотка охотничьего азарта.

Даже регент монастырского хора брат Ансельм, все мысли которого были заняты песнопением, на мгновение отвлекшись от службы, сбился с тона, но тут же поправился и, сурово одернув себя, тем ревностнее сосредоточился на своих обязанностях.

Да и что, в самом деле, могло нарушить ход всеобщей в эту теплую весеннюю ночь спустя четыре недели после Пасхи в лето Господне 1140, когда городок Шрусбери вместе со всей округой жил еще относительно спокойно под рукою короля Стефана, вдали от бурных событий, потрясавших южные области, где бушевала междоусобная борьба за престол между королем и императрицей. Зима в тот год выдалась жестокая, но с Божьей помощью она миновала, в день Пасхи просияло солнышко, и с тех пор держалась ясная погода, лишь изредка прерываемая мимолетным благодатным дождичком. Только на западе, в Уэльсе, зачастили весенние ливни, от которых вздулась река. Начало весны обещало впереди хороший год. Городок, управляемый строгим, но справедливым шерифом, благоденствовал под надзором толкового провоста и магистрата, которые бдительно охраняли права граждан. Несмотря на непрекращающиеся междоусобные распри, в графстве, включая город Шрусбери, благодаря Божьему промыслу и стараниям короля Стефана продолжалась обычная, мирная жизнь. Монахам здешнего монастыря нечего было опасаться внезапностей, которые бы нарушили привычный ход службы. И все же брат Ансельм на секунду сбился с тона.

В сумрачном пространстве хора[1 - Хор – восточная часть католического храма, где находятся во время богослужения духовенство и певчие.], отделенном от главного нефа алтарем для мирян и освещенном только негасимой лампадой да свечами главного алтаря, смутными тенями, словно ряд одинаковых изваяний, проступали неподвижные фигуры монахов на скамьях; все различия поглотила тьма, и нельзя было разглядеть, кто стар, а кто молод, кто хорош собой, а кто нет, кто толст, а кто худ. Высокие своды, каменные колонны и стены возвращали голос брата Ансельма таинственно преображенным, он витал над головами молящихся бесплотной силой. За пределами освещенного круга, куда не достигали ни свет, ни тени, стоял непроглядный мрак, ночь царила в церкви и за ее стенами. Благая ночь – короткая и немая.

Однако не совсем немая! Трепет, едва различимый в воздухе, превратился в слабый немолчный ропот. В сумраке хора шевельнулся сидевший с краю аббат Радульфус. Слева коротко прошуршала ряса приора Роберта, как бы выражая не столько смятение, сколько укоризну. Легкая рябь беспокойства пробежала по рядам собравшихся братьев и улеглась.

Звук все приближался. Еще прежде чем он усилился до того, чтобы его уже нельзя было не заметить, в нем, несомненно, можно было различить угрозу и злость, яростное возбуждение охотничьего азарта. По звуку можно было догадаться, что настал тот миг, когда ловцы уже загнали обессиленную жертву, а стрелки замкнули круг, готовые ее прикончить. Несмотря на отдаленность происходящего, можно было понять, что жизнь какого-то живого существа находится в опасности.

Затем звук стал нарастать все быстрее, так что его уже трудно было не замечать, и тщетно пытался регент усилением громкости и убыстрением темпа овладеть вниманием своих подопечных: среди молодых монахов и послушников поднялся возбужденный шорох, и кое-где слышались тревожные перешептывания. Негромкий ропот превратился в злобный многоголосый гул, словно потревоженный пчелиный рой поднялся на защиту своего улья. Даже аббат и приор подались вперед, готовые вскочить по первому знаку, и обменялись в сумерках недоуменными взглядами.

Упорствуя в благочестивых стараниях, брат Ансельм возгласил первые слова молитвы, но тут песнопение оборвалось. В притворе церкви незапертая дверь с грохотом распахнулась, и кто-то невидимый с громким топотом ринулся в глубь церкви, натываясь впотьмах на стены и колонны; слышно было только запаленное дыхание и всхлипывания загнанного человека.

Монахи, все как один, повскакивали с мест. Молодые ахали, вскрикивая от изумления, и бестолково суетились, не зная, что делать. Только аббат Радульфус сохранил самообладание и не растерялся. Быстрым движением он энергично выхватил из первого попавшегося подсвечника свечу, решительным шагом обогнул алтарь и, широко ступая, двинулся по проходу так быстро, что мантия взметнулась у него за спиной. За ним последовал приор Роберт, но, более щепетильно относясь к своему высокому сану, он, спеша на помощь, несколько поотстал, а за братом Робертом поднялась и вся взволнованная братия. Не успев выйти в главный неф, они были встречены ревом торжествующей погони – толпа, преследовавшая жертву, ворвалась через западный портал в церковь, и

десятки разгоряченных людей, тесня друг друга, заполнили свободное пространство.

Брат Кадфаэль, не раз прежде участвовавший в бурных событиях на море и на суше, тоже выскочил в проход почти в одно время с аббатом, не забыв перед тем прихватить двойной канделябр, которым он освещал перед собой дорогу. Впереди, загораживая путь, плавно двигался правым галсом приор Роберт, он не мог опуститься до излишней торопливости, дабы не посрамить свои роскошные седины. Кадфаэль быстро переметнулся налево и, выскочив в главный проход, выставил перед собой пылающий канделябр, который мог послужить не только светильником, но и оружием.

Толпа сплошным потоком уже текла ему навстречу. Преследователей было чуть не четверть города, и, надо сказать, не самая лучшая четверть, хотя, впрочем, и не наихудшая: тут был добропорядочный ремесленный люд, купцы и торговцы вперемешку со всяким отребьем, которое всегда там, где можно побуйнить; все они как будто ошалели не то с перепоя, не то от возбуждения, а может быть, от того и другого сразу, но только все в один голос требовали крови. И кровь уже пролилась, кое-где нога скользила на влажных пятнах. Распластавшись на трех ступенях перед алтарем, к нему приник беглец, на которого дружно навалились его враги, рьяно пиная ногами и колотя кулаками распростертое тело, но, по счастью, в этой буче только немногие удары попадали в цель. Все, что удалось разглядеть Кадфаэлю, это худенькую, почти детскую руку, которая высывалась из-под груды тел и в отчаянии цеплялась за край алтарного покрова.

Аббат Радульфус, долговязый и поджарый, стремительно появился из-за алтаря, словно корабль на всех парусах. Сверкая с высоты своего мачтоподобного роста топовыми огнями глубоко посаженных глаз и выставив перед собой горящую свечу, он хлестнул по лицам копошившихся внизу озверелых существ краем своей одежды и встал, расставив ноги, заслоняя от нападающих лежащего на земле беглеца, намертво вцепившегося скрюченными пальцами в бахрому алтарного покрова.

– Вон отсюда, негодяи! Очистите святое место и устыдитесь, святотатцы! Изыдите, пока я не призвал на вас проклятие Божье!

Аббату Радульфусу не понадобилось громко кричать, его голос, без всякого нажима рассекая гомон, врезался в толпу. Она отпрянула, точно обжегшись, и

опасливо посторонилась, не смея приблизиться к пламени. Однако никто не ушел, толпа волновалась, раздавались обиженные и возмущенные крики, и все же люди боялись навлечь на себя небесную кару. Отхлынув, они оставили распростертое на ступенях алтаря жалкое подобие человека; он лежал лицом вниз, грязным, окровавленным и помятым комочком, в котором по виду можно было признать подростка не старше пятнадцати лет.

Когда на секунду все смолкли, готовые вновь разразиться воплями и бросить ему в лицо тяжкое обвинение, стало слышно тяжелое и хриплое дыхание беглеца, которое толчками вздымало его грудь, разрывая в судорогах тщедушное тело несчастного. Пыльные, перепачканные кровью льняные волосы разметались по краю алтарного покрывала. Худенькая фигурка прильнула к каменным ступеням, точно от этого соприкосновения зависела сама жизнь. Если у юноши и оставались еще силы, чтобы заговорить или приподнять голову, то ему достало и сообразительности не делать таких попыток.

– Как посмели вы столь кощунственно оскорбить храм Божий? – спросил аббат, мрачно сверкая глазами.

От его взора не укрылся блеск стали в руке одного коренастого крепыша, который незаметно пробирался сквозь толпу, стараясь сбоку подкрасться к жертве.

– Убери нож, или гореть твоей душе вечно в геенне огненной!

Ловцы отдышались, и в них снова вспыхнула ярость. Не менее десяти человек сразу подняли голоса, оправдывая себя и обличая вину беглеца; каждый старался перекричать другого, так что ни слова нельзя было понять в этом гаме. Аббат Радульфус грозно простер руку, и укрощенная им толпа затихла, крики перешли в глухой ропот. Кадфаэль, видя, что человек с ножом, вместо того чтобы убрать оружие, только спрятал его, заступил ему дорогу и резким движением выставил перед собой канделябр.

– Пусть говорит кто-нибудь один, если у вас есть что сказать! – распорядился аббат. – Остальные помолчите. Вы, молодой человек, кажется, стремитесь высказаться за всех...

Молодой парень, который выдвинулся из толпы и которого, судя по всему, они признавали за предводителя, с самоуверенным видом встал перед аббатом. Это был рослый и ладно скроенный молодец, державшийся развязно. У него было смазливое лицо, и, казалось, он слишком хорошо сознает свою пригожесть. Вдобавок он имел самый щегольской вид, как будто нарядился для праздника во все самое лучшее: сейчас, правда, его кафтан был несколько помят и потрепан – ему, очевидно, досталось в пылу погони, – а красное одутловатое лицо свидетельствовало, что он изрядно накачался вином. От вина-то он, как видно, и расхрабрился, иначе вряд ли вел бы себя так вызывающе, очутившись лицом к лицу с самим аббатом.

– Я скажу за всех, святой отец! Это – мое право. Мы вовсе не желаем оказать неуважение к аббатству и вашей милости, но мы хотим, чтобы нам выдали этого человека, совершившего нынче ночью грабеж и убийство, в чем я его обвиняю, а остальные подтвердят. Он оглушил моего отца и украл драгоценности из кованого сундука, поэтому мы пришли его схватить. И сейчас мы, с позволения вашей милости, избавим вас от его присутствия.

Они бы и впрямь выполнили свое намерение, если бы не монахи. Но аббат не шелохнулся, а остальные братья стеной стали рядом с настоятелем, преграждая дорогу толпе.

– После того, как вы ворвались к нам, точно разбойники, я ожидал услышать от вас извинения, – резко ответил аббат. – Что бы там ни сделал этот человек, он не проливал крови и не угрожал обнаженным клинком в стенах церкви, на самых ступенях алтаря. Может быть, он и совершил преступление, но здесь он не чинил насилия, а, напротив, сам ему подвергся. Вам лучше поразмыслить на досуге о спасении ваших душ! А если вы пришли с законной жалобой, то где же представители закона? Я не вижу среди вас помощника шерифа. Не вижу я и провоста, который мог бы выступить с обвинением от имени города. Я вижу лишь свору, которая ничем не лучше убийц или разбойников. А теперь ступайте отсюда и постарайтесь отмолить свои прегрешения! А со своими обвинениями идите туда, куда положено обращаться законопослушным горожанам.

Во время его речи часть толпы опаматовалась, и, поняв, что напрасно ворвались в церковь, люди начали потихоньку расходиться, решив убраться от греха да поскорей улечься в постель. Однако уличные бездельники, охочие до всякого безобразия, никуда не уходили; они еще топтались на месте, упрямо чего-то ждали и поглядывали с недобрым любопытством. Кадфаэль знал их почти всех в

лицо. Очевидно, аббат Радульфус, хотя и не был местным уроженцем, разбирался в них лучше, чем они подозревали. Он, как скала, возвышался над толпою, грозным величием своим сдерживая страсти.

– Господин аббат, – обратился к нему все тот же щеголь, – если вы отдадите молодчика нам, то мы его доставим куда положено.

«Как бы не так! – подумал брат Кадфаэль. – Доставите... до ближайшего дерева!»

На пути к реке деревья росли во множестве.

Кадфаэль пальцами снял нагар со свечей, которые вновь вспыхнули ярким пламенем.

– Этого я не могу сделать, – твердо отчеканил аббат. – И будь здесь даже представитель закона, все равно никакая сила не может заставить человека выйти, раз он решил остаться под защитой алтаря. Вы не хуже меня знаете о праве отдавшегося под защиту алтаря и так же хорошо знаете, что нарушение этого права карается смертью, а для души грозит вечной гибелью. Ступайте отсюда, дабы не осквернить насилием святое место! Нам же надлежит выполнить наши обязанности.

– Но позвольте, ваша милость, – униженно пролепетал сердитый молодой человек, тряхнув кудрями, но не смея нарушить почтительную дистанцию. – Вы даже не выслушали нас и не знаете, какое преступление...

– Я выслушаю вас при свете дня, – оборвал его Радульфус. – Приходите утром с шерифом и сержантом, чтобы спокойно и по всем правилам обсудить этот вопрос. Однако предупреждаю: этот человек отдался под защиту алтаря, и согласно обычаю он получил здесь убежище, так что ни вы, ни кто другой не может насильно вывести его из этих стен, пока не минует надлежащий срок.

– А я предупреждаю вас, святой отец, – весь красный от гнева, молодой человек перешел на крик, – что, если он посмеет высунуться за порог, мы его встретим, и тогда то, что произойдет за пределами владения вашей милости, уже не будет касаться ни вас, ни Церкви!

Несомненно, парень был в подпитии: никогда горожанин, даже из богатой семьи, не осмелился бы вести себя так вызывающе. Он и сам испугался своих хмельных речей и в смущении отступил перед аббатом.

– А как же Бог? – холодно спросил Радульфус. – Идите с миром, люди, пока вас не настигла Его кара!

И люди попятились к отворенным дверям, растворяясь в ночном мраке. Но, отступая, они не сводили глаз с расprostертой перед алтарем кучи тряпья, из которой высовывалась рука, все еще судорожно державшаяся за край алтарного покрывала. Разъяренную толпу не так-то легко успокоить, любая обида ей кажется весьма серьезной. Тем более грабеж и убийство – преступления, караемые смертью! Нет, так просто они не уйдут. Наверняка выставят снаружи, у дверей церкви и возле монастырских ворот, стражу, которая будет ждать с веревкой наготове.

– Брат приор, – молвил Радульфус, окинув взглядом свою встревоженную паству, – и ты, брат регент! Не угодно ли вам возобновить пение? Давайте продолжим службу, и затем братья пойдут почивать, как положено по уставу. Дела людские требуют к себе внимания, однако им не следует отдавать предпочтение перед делами Божьими.

Аббат Радульфус кинул взгляд вниз, на расprostертого беглеца, который застыл в таком напряженном молчании, что не мог не слышать всего, что вокруг происходило, и затем перевел взгляд на брата Кадфаэля, который смотрел на него задумчиво и сосредоточенно.

– Полагаю, достаточно нас двоих, чтобы заняться нуждами нашего гостя и выслушать то, что он пожелает нам рассказать, – сказал аббат. – Они ушли, – бесстрастно сообщил он расprostертому у его ног беглецу. – Ты можешь встать.

Худенькая фигурка вздрогнула и неловко зашевелилась, но рука по-прежнему крепко держалась за край алтарного покрывала. Казалось, малейшее движение причиняло человеку боль, что, впрочем, было неудивительно, но, судя по тому, что он смог подняться на колени, опираясь на свободную руку, все кости у него были целы. Он поднял к свету мокрое от пота, изможденное, покрытое ссадинами и кровоподтеками лицо с расквашенным сопливым носом. Под взглядами монахов он съежился и оробел, точно малое дитя, и если бы не только

что побывавшая здесь толпа преследователей, от которой его насилу отбили, сошел бы за мальчишку из Форгейта, на которого за какой-то пустяк ополчились его приятели и, набросившись вдесятером на одного, поколотили, а потом бросили в канаве.

Бедняга был слишком жалок; при взгляде на него никак не верилось, что он может быть убийцей и грабителем. Юноша был приблизительно одного роста с Кадфаэлем, то есть ниже среднего, зато втрое тоньше. Одежка его, и без того изношенная и рваненькая, пострадала от пинков и от рук преследователей, которые выдрали из нее несколько клочьев. Под пылью и грязью едва угадывались первоначальные яркие красно-синие цвета, в которые она была когда-то окрашена. Беглец был довольно широкоплеч, и, если бы его хорошенько кормили, из него, наверное, вырос бы хорошо сложенный мужчина, однако сейчас, когда он неуклюже поднялся на колени и стоял перед монахами точно одеревенелый, весь угловатый и нескладный – одна кожа да кости, – он был похож на огородное пугало. «Должно быть, ему лет семнадцать или восемнадцать», – подумал брат Кадфаэль. Глаза с тоскливой мольбой были устремлены на монахов, один глаз был подбит и почти совсем заплыл, но в свете свечей радужки вспыхивали яркой синевой, словно цветы барвинка.

– Сын мой, – обратился к спасенному Радульфус. Аббат говорил холодным, бесстрастным голосом, потому что по наружности ведь убийцу не распознаешь: ни лицо, ни лета ничего не подскажут. – Ты слышал, в чем тебя обвиняют люди, которые, без сомнения, хотели тебя убить. Сейчас ты отдал душу и тело под покровительство Церкви, и я, а также все, кто здесь находится, обязаны обеспечить тебе приют и заботу. И ты можешь быть уверен, что получишь и то и другое. В настоящий момент я могу тебе указать только один путь к спасению и задам тебе только один вопрос. Каков бы ни был ответ, ты все равно будешь в безопасности весь положенный срок. Это я тебе обещаю.

Несчастный, скорчившись перед аббатом на коленях, молчал и не сводил с него настороженного взгляда, как будто и в нем он подозревал своего врага.

– Что ты ответишь на их обвинение? – спросил Радульфус. – Совершил ли ты сегодня грабеж и убийство?

Сведенные судорогой губы с трудом раскрылись, и звонким, высоким детским голосом беглец испуганно сказал:

- Нет, отец аббат! Клянусь, я этого не делал!

- Встань, - приказал аббат, не выказывал ни доверия, ни осуждения. - Подойди поближе и положи ладонь на ковчежец, который стоит на алтаре. Ты знаешь, что в нем хранится? В нем покоятся мощи святого Элерия, друга и наставника святой Уинифред. Положа руку на эти святые мощи, подумай хорошенько и ответь мне снова, помня, что Бог тебя слышит: виновен ли ты в том, в чем тебя обвиняют?

Со всем жаром отчаяния, которое переполняло это хрупкое тело, юноша, ни минуты не колеблясь, убежденно ответил звонким голосом, прозвучавшим на всю церковь:

- Видит Бог, я не виновен! Я никому не сделал зла!

В напряженной тишине, храня тягостное молчание, Радульфус взвешивал его слова. Именно так и должен был ответить человек, которому нечего скрывать и нет причины бояться Божьей кары. Но в то же время точно так же мог соврать, спасая свою шкуру, безбожный проходимец, который не верит в небесное возмездие и не ведает иного страха, кроме страха перед ужасами земных страданий. Перед аббатом был трудный выбор, и он решил подождать с окончательным суждением.

- Итак, ты торжественно поклялся. Правду ты сказал или нет, согласно закону храм этот будет твоим убежищем, и ты сможешь на досуге подумать о своей душе, если в том есть необходимость.

Радульфус переглянулся с Кадфаэлем, и, оставшись вдвоем, они обсудили, что надо сделать на первый случай.

- Я думаю, пока мы не связались с представителями закона и не оговорили с ними все условия, ему лучше всего оставаться в церкви.

- И я так думаю, - согласился Кадфаэль.

- Можно ли оставить его одного?

Оба вспомнили о толпе, только что выпровоженной из церкви, которая, не утолив своей злобы, могла выкинуть что угодно. Наверняка преследователи остались где-то неподалеку.

Монахи уже покинули церковь и вслед за приором Робертом, который с напыщенным и недовольным видом шел впереди, удалились в спальное помещение. В храме стало темно и тихо. Но только Господу было ведомо, заснут ли ночью спокойным сном все братья, в особенности молодые и егозливые. В обители повеяло мирским мятежным духом, и растревоженным монахам, скорее всего, еще долго предстояло ворочаться с боку на бок.

– Сначала мне придется над ним потрудиться, – сказал Кадфаэль, окинув оценивающим взглядом пятна крови на лбу и на щеках несчастного и всю его скрюченную фигуру.

«А тело у него молодое, гибкое, как тростинка, и наверняка легкое и проворное в движении», – подумал Кадфаэль.

– С вашего позволения, отец мой, я останусь здесь и позабочусь о нем. Если будет нужно, я кого-нибудь позову на помощь.

– Прекрасно, брат мой, будь по-твоему! Можешь взять все, что требуется для его устройства.

На дворе стояла теплая погода, однако ночью среди каменных стен бывало холодновато.

– Не дать ли тебе кого-нибудь в помощь, кто в случае чего сможет сбегать по твоему поручению? Нашего гостя нельзя бросать в одиночестве.

– Если можно, я попросил бы прислать мне брата Освина. Он знает, где найти вещи, которые мне могут понадобиться, – ответил Кадфаэль.

– Я его пришлю. А если наш подопечный захочет сам рассказать свою злополучную историю, постарайся все хорошенько запомнить. Завтра его обвинители, несомненно, явятся сюда, как положено, в сопровождении помощников шерифа, и тогда обе стороны должны будут изложить события,

каждая со своей точки зрения.

Кадфаэль понимал важность того, на что обратил его внимание аббат. Незначительные отклонения в завтрашнем рассказе молодого человека от того, что он скажет ночью, могут иметь решающее значение. Впрочем, его многоречивые обвинители за ночь тоже поостынут и на холодную голову могут представить все в несколько ином свете. Брат Кадфаэль хорошо знал почти всех обитателей города, и поэтому он скоро сообразил, отчего эти люди в столь поздний час оказались еще на ногах и явились сюда разгоряченные и нетрезвые. Молодому детине, разряженному в пух и прах, сейчас полагалось бы находиться в спальне с новобрачной, вместо того чтобы ловить за рекой несчастного паренька, оглашая окрестности дикими воплями про грабеж и убийство. Должно было случиться такое выдающееся событие, как свадьба наследника, чтобы прижимистое семейство Аурифаберов расщедрилось и допьяна напоило толпу гостей.

– Оставляю тебя на страже, – сказал Радульфус и отправился за братом Освином, которого он собирался послать на подмогу к брату Кадфаэлю, чтобы они вместе коротали бессонную ночь.

Брат Освин примчался так скоро, точно только и ждал этого вызова. Да и кого, как не помощника Кадфаэля, следовало позвать в первую очередь, чтобы разделить с наставником ночное бдение! У Освина сна не было ни в одном глазу, его распирало от любопытства, и он был, как мальчишка, рад, что его среди ночи подняли с постели и позволили быть участником неслыханных событий, связанных с громким преступлением. Раздираемый противоречивыми чувствами, он уставился на дрожащего пришельца, испытывая сладкий ужас от сознания, что видит настоящего убийцу; никак не ожидая, что вместо кровожадного чудовища встретит такое жалкое создание, он, к собственному изумлению, ощутил прилив сострадания.

Однако Кадфаэль не дал ему долго предаваться этим переживаниям:

– Мне нужна вода, чистое полотно, мазь из тысячелистника и клевера и добрый бокал вина. Давай-ка быстренько, одна нога здесь – другая там! Да засвети на всякий случай лампу в сарайчике – нам может понадобится еще что-нибудь.

Брат Освин выхватил свечку из светильника и ринулся выполнять поручение с таким воодушевлением, что свеча только чудом не погасла, когда он выскочил на улицу. Однако ночь была безветренная, и пламя снова выровнялось. Освин припустил бегом через двор в сторону сада, а следом за ним вилась ленточка дыма.

– Разожги жаровню! – крикнул ему вдогонку брат Кадфаэль, услышав, как стучат зубы у его подопечного.

Побывав на волосок от смерти, всякий на его месте мог выдохнуться, словно проколотый пузырь, тем более этот юноша, который и без того был хил и слаб – в чем только еще душа держалась. Кадфаэль успел вовремя подхватить его, иначе он шлепнулся бы, как пустой мешок, на каменный пол.

– Держись! Вот так!.. Пойдем потихонечку туда, на скамейку!

Кадфаэль без труда поддерживал повисшее на нем худенькое мальчишеское тельце. Он хотел увести юношу от алтаря в глубь церкви. Там не так гуляли сквозняки. Но костлявые пальцы, намертво вцепившиеся в край алтарного покрывала, не хотели разжиматься. Кадфаэль чувствовал, как напряглись в его объятиях хрупкие плечи.

– Если я его выпущу, они убьют меня...

– Не бойся! Пока у меня есть руки и голос, ничего не случится, – сказал Кадфаэль. – Наш аббат взял тебя под свою защиту, нынче ночью они уже ничего не предпримут. Отпусти покрывало и пойдем в хор. Уж поверь мне, там тоже есть святые мощи, и посильнее этих!

Грязные пальцы с обкусанными черными ногтями неохотно разжались, и вихрастая льняная голова поникла, уткнувшись в плечо Кадфаэлю. Кадфаэль дотащил его до хора и уложил там на первую скамью – она была самой удобной из всех, так как принадлежала приору Роберту. Незванный гость с удовольствием расположился на новом месте. Его по-прежнему била дрожь, но он опустил на скамью со вздохом облегчения и затих, как зверек в норке.

– Они-таки загнали тебя в угол, – приговаривал Кадфаэль, поудобнее устраивая парнишку на скамейке. – Хорошо хоть, что ты заскочил куда надо. Аббат

Радульфус ни за что тебя не выдаст, не беспокойся! Здесь ты можешь отдышаться, на ближайшее время у тебя есть убежище и крыша над головой. Не падай духом! Люди, которые набросились на тебя, словно свора собак, на самом деле не так страшны, как тебе кажется, и, когда хмель из них выветрится, они остынут и успокоятся. Уж я-то их знаю!

– Они хотели убить меня! – сказал беглец, трясаясь от страха.

С этим было трудно спорить. Хотели! И убили бы, если бы он попался им в руки за порогом церкви. Чуткое ухо склонившегося к нему Кадфаэля уловило в звонком возгласе юноши растерянность и недоумение. Мальчишка совсем ослабел от пережитого ужаса, и первые слова, которые он произнес после испытанного потрясения, говорили о том, что он совершенно не понимает, за что на него напали. То же самое, наверное, чувствует лисица, которая, как и он, не ведая за собой вины, услышит вдруг лай гончих псов.

Вернулся брат Освин с бутылкой вина и горшочком мази в заплечной сумке, под мышкой у него была зажата скатка чистого полотна, а в руках он тащил таз с водой. Зажженную свечу Освин, как видно, оставил у входа, прилепив ее к скамье, – там мерцал слабый трепещущий огонек. Монах был полон рвения и неукротимой жажды деятельности, такой разгоряченный, что темно-русые кудряшки на его голове топорщились вокруг тонзуры. Освин поставил таз, положил рядом полотно и склонился над пареньком, готовый помогать Кадфаэлю, который при свете свечей начал осмотр больного.

– Беда не велика, – сказал Кадфаэль. – Радуйся, что у тебя все кости целы! Тебе перепало немало пинков и колотушек, и я не сомневаюсь, что на тебе сейчас живого места нет от синяков и ссадин, но этой беде можно помочь. Наклони сюда голову! Вот так, хорошо. Какой толстый рубец тянется от виска через всю щеку! Это, как видно, след от дубинки. Держи голову так, не двигайся!

Белокурая голова послушно доверилась его рукам. Удар дубинки оставил кровоточащую ссадину на левой скуле и рассек висок, льняные волосы слиплись от засохшей крови. Кадфаэль принялся промывать рану, осторожно освобождая спутанные пряди; юноша вздрагивал от прикосновения холодной воды, грязная короста понемногу сходила. Это была не самая свежая из его ран. Вытерев мокрой тряпчочкой лоб, щеки и подбородок беглеца, Кадфаэль смог наконец разглядеть худое юное лицо с тонкими и чистыми чертами.

– Как тебя звать, дитя мое? – спросил Кадфаэль.

– Лиливин, – ответил юноша, робко заглядывая ему в глаза.

– Ты, значит, саксонец? Впрочем, у тебя и глаза, и волосы саксонца. Где ты родился? Ты ведь не здешний.

– Почем мне знать? – равнодушно отозвался юноша. – В какой-нибудь канаве, где меня и бросили. Помню только, как меня учили кувыркаться, едва я начал ходить.

Парнишка был в таком состоянии, что уже не пытался за себя постоять; скорее всего, ему было не до вранья. Самое удобное время, чтобы вызнать у него все, что он может рассказать!

– Так вот как ты жил! Бродя по дорогам, кувыркаясь на потеху зрителям, зарабатывая на пропитание фокусами и пением? Нелегкая жизнь! Эдак больше, пожалуй, заработаешь тумачков, чем ласковых слов. И так с самого детства?

Кадфаэль догадывался, какую школу надо было пройти, чтобы научиться таким вывертам, на которые захочет глазеть ярмарочная толпа. Существуют разные способы больно наказать ребенка, не нанося вреда гибкости растущего тела.

– А теперь ты остался один? Те люди, которые подобрали тебя в канаве и научили тому, что им было надобно, бросили тебя?

– Я удрал от них еще подростком, – ответил юноша робким усталым голосом. – Для трех бродячих актеров мальчишка, которого они получили даром, был удачной находкой, они вытрясли из меня все, что могли. В благодарность я получал одни пинки и затрещины. Теперь я работаю сам на себя.

– И продолжаешь заниматься тем же ремеслом?

– Другого я не знаю. Зато уж это знаю хорошо, – сказал Лиливин. Неожиданно он гордо вскинул голову, перестал вздрагивать, хотя едкая примочка, которой Кадфаэль промывал ему ссадину на щеке, больно щипала открытую рану.

– Так вот почему ты очутился вчера вечером в доме Уолтера Аурифабера! – спокойно продолжил беседу Кадфаэль, заворачивая ему рукав, из-под которого показалась худая, жилистая рука с длинным шрамом от пореза. – Тебя позвали развлекать гостей на свадьбе его сына.

Ярко-синий глаз исподлобья глянул на Кадфаэля:

– Вы их знаете?

– В городе найдется немного людей, которых бы я не знал. Я многих там пользую как лекарь, и в их числе почтенную матушку Аурифабера. Да, я действительно знаю этот дом. Но я как-то запомнил, что золотых дел мастер вчера справлял свадьбу своего сына.

Хорошо зная эту семью, Кадфаэль несколько не удивился, что, даже желая пустить пыль в глаза соседям, они не раскошелились на менестрелей из тех, каких приглашают к себе знатные люди, а вот нанять нищего бродячего жонглера[2 - Жонглер – в описываемую эпоху странствующий актер, певец, музыкант, гимнаст.], который без особой надежды забрел в город попытать своего бедняцкого счастья, было вполне в их духе. Тем более что он оказался лучшим мастером своего дела, чем можно было предположить, судя по его наружности. Таким образом они по дешевке заполучили хорошую музыку и развлечение.

– Итак, ты услышал про свадьбу и нанялся к хозяевам, чтобы развлекать гостей. Что же там такое случилось, из-за чего веселый пир завершился столь мрачно? Поддай-ка мне кусочек полотна, Освин, и посвети мне немного поближе!

– Они пообещали мне заплатить три пенни за вечер, – сказал Лиливин, который снова задрожал уже не столько от холода и страха, сколько от возмущения. – Обещали и обманули! Я был не виноват! Я старался играть и петь как можно лучше и показал все свои фокусы. Дом был полон народу, все были пьяные и еле держались на ногах, они совсем затолкали меня! А жонглеру нужно место, где развернуться! Я не виноват, что кувшин разбился! Кто-то из молодых парней сунулся мне под руку и хотел перехватить у меня мячик, когда я жонглировал, он сбил меня с ног, и кувшин упал со стола и разбился. А она... старуха, мать хозяина, как заорет на меня, как огреет палкой!

– Так это она сделала? – сочувственно спросил Кадфаэль, дотрагиваясь до повязки, которую наложил на лоб жонглера.

– Она! Набросилась на меня, как ведьма, и кричала, что эта вещь стоит больше денег, чем я заработаю, и стала говорить, что я должен за нее заплатить. А в ответ на мои жалобы она только швырнула мне один пенни и велела гнать меня со двора.

«Как же иначе!» – сочувственно подумал Кадфаэль.

Для старухи это было точно острый нож в сердце – увидеть, как разбилась дорогая вещь. Она тряслась над каждым грошом, и только трепетная забота о собственной душе была ее единственной слабостью, на которую она не жалела никаких денег. Пожертвования на украшение алтарей рекой текли от нее в аббатство, поэтому приор Роберт осмотрительно одаривал ее дружбой.

Артиста выдворили, конечно, без всякой учтивости, ибо гости к тому часу вовсю разгулялись и стали буйны.

– Когда же это случилось? За час до полуночи?

– Раньше. Еще никто из гостей не уходил. Меня вышвырнули за дверь и обратно не пускали. – У молодого жонглера был уже богатый опыт такого рода, не раз он оказывался совершенно беззащитным и беспомощным. Упавшим голосом он закончил: – Я даже не смог забрать свои шарики. Они все пропали.

– Итак, тебя выгнали за ворота в холодную ночь. Но как же случилось, что за тобой погнались? – Худая рука, которую аккуратно бинтовал Кадфаэль, дернулась в бессильной ярости. – Тише, дитя мое! Вот так, хорошо! Я хочу как следует перевязать этот порез, он срастется без следа, если ты будешь держать руку спокойно. Так что же ты сделал?

– Поплелся прочь, – с горечью сказал Лиливин. – А что мне было делать? Сторож выпустил меня через калитку в городских воротах, я перешел через мост и спрятался в кустах на этом берегу. Я решил переждать до утра, а там идти в Личфилд. Если подняться от реки по тропинке, попадаешь в лесок, мимо которого идет дорога в ваше аббатство, я пробрался туда, нашел себе удобное местечко и улегся в траву, чтобы переспать ночь.

Но, как видно, обида за свою беспомощность все еще кипела в нем и жгла ему душу, если все, что он рассказал, было правдой. Давняя привычка к несправедливому обращению и унижениям – плохое утешение для человеческого сердца.

– Но как же получилось, что через час они вдруг всей толпой с криками помчались тебя ловить, вопя, что ты вор и убийца?

– Видит Бог, – воскликнул юноша, задрожав всем телом, – я, как и вы, ничего не понимаю! Я уже засыпал, как вдруг слышу топот и вой на мосту. Я и не догадывался, что они пришли по мою душу, пока они не ворвались в Форгейт. Да и кто бы не испугался на моем месте, будь он хоть трижды не виноват? А потом я расслышал, что они орут про убийство, и что, мол, они убийце покажут, и что убийца – нищий бродяжка. Они готовы были разорвать меня в клочья. В лесочке они растянулись цепью и начали шастать по кустам, тут я и пустился бежать, дай Бог ноги, а то бы они меня непременно нашли. И тогда вся орава кинулась за мной по пятам. Они уже хватили меня за волосы, когда я влетел в дверь церкви. Но пусть Бог меня накажет, если я знаю, в чем они меня подозревают! А если я соврал, умереть мне на этом месте!

Кадфаэль кончил бинтовать его руку и натянул на повязку драный рукав.

– По словам молодого Даниэля, отца его, кажется, ударили по голове и очистили его сундук с драгоценностями. Невеселое окончание свадебного пира! А как я понял из твоего рассказа, все это, наверное, случилось после того, как тебя выгнали из дома, не заплатив за работу. В таком случае неудивительно, если в поисках преступника они в первую очередь вспомнили о тебе, тем более что ты ушел обиженный.

– Клянусь вам, – страстно возразил молодой человек, – мастер был цел и невредим, когда я его видел в последний раз! При мне никаких драк не было, и, кроме меня, никто не пострадал, все веселились, выпивали и пели песни. А что случилось после, о том я знаю не больше вашего. Я ушел со двора – что толку было там оставаться? Поверьте мне, ради Бога, святой отец! Не трогал я ни хозяина дома, ни его денег!

– Раз так, значит, правда в конце концов откроется, – твердо ответил Кадфаэль. – А до тех пор ты здесь в безопасности. Тебе остается уповать на

правый суд и на аббата Радульфуса. Расскажи им все так, как ты сейчас рассказал мне. Главное, у нас в запасе есть время, а правда всегда выйдет наружу. Ты слышал, что сказал отец-настоятель: эту ночь оставайся спать в церкви, а завтра, если они придут к разумному соглашению, ты сможешь передвигаться в пределах аббатства.

Дотронувшись до Лиливина, Кадфаэль понял, что тот еще не оправился от страха: кожа была холодной, и парнишка весь трясся, словно в ознобе.

– Освин, – бодро позвал Кадфаэль своего помощника, – сбегай-ка в кладовую и принеси мне парочку одеял, а затем разогрей на жаровне хорошую порцию вина. Да не забудь приправить его специями! Нашего гостя надо как-то согреть.

Освин, который все время с похвальным старанием держал язык за зубами, хотя так и стрелял глазами, разглядывая пришельца, в порыве усердия бегом пустился выполнять приказание. Лиливин проводил его настороженным взглядом, а затем так же настороженно стал следить за Кадфаэлем. Впрочем, ничего удивительного не было в том, что он ни к кому не испытывал доверия.

– Вы меня не бросите? Они еще непременно наведаются к дверям до рассвета.

– Я тебя не брошу, не беспокойся, пожалуйста! – успокоил его Кадфаэль и тут же мысленно признался себе, что совету его трудновато следовать, особенно в положении Лиливина. Однако, напившисьпряного пунша, он, по крайней мере, заснет.

Вернулся Освин с разгоревшимся от беготни и угольного жара лицом и принес два толстых грубых одеяла, в которые благодарно укутался Лиливин. Пряное вино он выпил с удовольствием. На его худом разбитом лице выступил слабый румянец.

– Ступай-ка, дружок, спать, – сказал Кадфаэль, провожая Освина к дверям, ведущим в спальные помещения. – До утра можно не беспокоиться, а там будет видно.

Брат Освин с любопытством оглянулся на закутанного в одеяла юношу, уместившегося в уголке просторной приорской скамьи, и шепотом спросил:

– Как ты думаешь, неужели он и правда убил человека?

– Подождем, дитя мое, – ответил со вздохом Кадфаэль. – Надо сперва узнать толком, что случилось на подворье Уолтера Аурифабера. Сомневаюсь, что там вообще кого-то убили. Подвыпив, кто-нибудь мог пустить в ход кулаки. Возможно, кто-то кому-то расквасил нос, кто-нибудь сдуру поднял крик, другие его подхватили. Ложись спать, утро вечера мудренее!

«Да и мне тоже остается только ждать утра, а там будет видно», – подумал Кадфаэль, провожая взглядом удаляющегося Освина.

Сомнения сомнениями, однако же не все его громкоголосые обвинители были пьяны. Было очевидно, что в доме Аурифабера произошло какое-то из ряда вон выходящее событие, столь внезапно прервавшее свадебное торжество. А что, если Уолтер Аурифабер и впрямь был кем-то убит, а его сокровища похищены? Неужели этим несчастным существом, которое свернулось в клубок под одеялами и не может уснуть от страха, хотя у него глаза уже смыкаются от хмельного питья? Хватило бы у него духу на это даже после горькой обиды? Да и по силам ли ему было управиться с таким делом, если бы он и осмелился? Ясно было только то, что, если он совершил грабеж, у него было очень мало времени, чтобы спрятать награбленное в темноте в малознакомом городе. Под его рваненькой пестрой одежкой с трудом удалось бы схоронить один пенни, который ему кинула старая госпожа, а о том, чтобы спрятать на себе содержимое сундука, нечего было и думать.

Когда брат Кадфаэль, стараясь не шуметь, осторожно приблизился к скамье, смеженные веки жонглера тотчас же распахнулись и он испуганно посмотрел на своего опекуна широко раскрытыми синими глазами.

– Не пугайся, это я! Никто, кроме меня, не потревожит тебя этой ночью. Если ты хочешь знать мое имя, меня зовут Кадфаэль. А тебя – Лиливин?

Это имя удивительно подходило для бродячего актера – такого юного, одинокого и, несмотря на бедность, гордого тем, что он в совершенстве владеет своим ремеслом. Ведь он гимнаст, акробат, плясун, музыкант, и, хотя жизнь у него совсем нелегкая, он умеет повеселить на славу других.

– Сколько тебе лет, Лиливин?

Полусонный, он боялся по-настоящему уснуть и казался сейчас совсем ребенком. Он лежал на скамье, спеленатый, точно младенец, который разругался и утешился, согревшись в теплой постельке.

На вопрос Кадфаэля он не мог дать ответа. Нахмутив светлые брови, он ответил наугад:

– Думаю, что мне уже минуло двадцать. Может быть, и больше. Бродячие актеры могли приуменьшить мои годы – детям больше подают.

Должно быть, так и было. Лиливин был хрупкого сложения, тонок в кости и невысок. Возможно, ему стукнуло года двадцать два, но никак не больше.

– А теперь, Лиливин, поспи, если сможешь. Во сне горе проходит и болячки заживают, так что тебе сон пойдет на пользу. Ты можешь не беспокоиться, я тебя посторожу.

Кадфаэль сел на скамью аббата и снял нагар со свечей, чтобы лучше видеть своего подопечного. Они умолкли, и вместе с молчанием в церкви воцарилась благостная тишина. Пускай за стенами храма в ночи затаилась тревога, но каменные своды над хором укрыли их, словно заботливые ладони, оберегая хрупкий и мимолетный покой. Кадфаэль удивился, увидев через некоторое время, когда Лиливин, казалось бы, давно успокоился, две крупные слезы, выкатившиеся из-под его закрытых век. Они медленно сползли по впалым щекам и капнули на одеяло.

– Что случилось? О чем ты печалишься? – спросил Кадфаэль, ибо прежде юноша только дрожал, горячо доказывая свою невиновность, но не плакал.

– Моя скрипка! Она была при мне, когда я прятался в кустах. Я ношу ее в сумке через плечо. А когда они меня испугали – сам не знаю, как это случилось, – наверное, ветка зацепилась за ремешок и сорвала сумку с моего плеча. А я не решился остановиться, чтобы поискать ее в потемках. А теперь я не могу отсюда выйти! Пропала моя скрипка!

– В кустах возле моста на этом берегу реки, сразу, как перейдешь через дорогу? – Горе бродячего музыканта было понятно Кадфаэлю. – Тебе

действительно нельзя пока отсюда выходить. Но я-то могу выйти. Я поищу ее. Твои преследователи не стали бы шарить по кустам после того, как увидели тебя. Твоя скрипка, наверное, так и лежит там, и ничего ей не сделалось. Спи спокойно и перестань горевать, – сказал Кадфаэль. – Тебе еще рано отчаиваться. Отчаиваться вообще никогда не надо, – прибавил он бодрым голосом. – Помни об этом и крепись!

Синий глаз широко раскрылся, уставившись на Кадфаэля удивленно и пристально, и, прежде чем Лиливин отвел его, Кадфаэль увидел, как мелькнуло в синеве отраженное пламя свечи. После этого настала тишина. Кадфаэль поудобнее уселся на скамье аббата, приготовившись к ночному бдению. Он собирался разбудить незваного гостя перед тем, как начнется первая утренняя служба, и перевести его в какой-нибудь укромный уголок, иначе приор Роберт смертельно обидится, если увидит, что его почетное место занято. А до этого часа оставалось только поручить Лиливина заботам святых заступников и уповать на Божий промысел, ибо помочь ему было не в силах смертного человека.

Едва забрезжил рассвет и из темноты проступили первые краски погожего майского дня, как в замочной мастерской уже проснулся Гриффин, мальчишка, которого оставляли там за ночного сторожа; поднявшись с соломенного тюфяка, он отправился за водой к колодцу, который находился на заднем дворе. Гриффин всегда вставал раньше всех и первым выходил на двор, в котором хозяйничали две семьи; к приходу подмастерья, который жил в двух кварталах от этого дома, Гриффин успевал растопить очаг и все приготовить к началу работы. Гриффин несколько не удивился, что сегодня никто еще не вставал: после вчерашнего празднества все жильцы легли поздно, поэтому им было невмоготу спозаранку приниматься за работу. Гриффин не был в числе приглашенных, но госпожа Сюзанна послала ему со служанкой Раннильт угощение – тарелку мясного бульона, ломоть хлеба, кусочек сладкого пирога да кружку разведенного эля. Гриффин сытно поел и уснул так крепко, что проспал ночной переполох.

Гриффину было тринадцать лет, его мать была простая служанка, а отец – захожий лудильщик. Это был рослый миловидный парнишка покладистого нрава, у него были хорошие руки, только вот разума Бог не дал. Его хозяин Болдуин Печ похвалялся своей добротой, говоря, что из милости приютил убогого мальчонку, однако на самом деле Гриффин, хоть и не блистал умом, был

хорошим работником и с лихвой оправдывал все затраты хозяина на свое содержание.

Вместительная деревянная бадья с побитыми и выщербленными за время долгой службы краями показалась из глубины колодца, сверкая под косыми лучами утреннего солнца. Гриффин наполнил водой два ведра и только было собрался опрокинуть бадью обратно в колодец, как вдруг внутри нее что-то блеснуло серебром, что-то, застрявшее в щели между двух досок. Гриффин поставил бадью на край каменного колодца, нагнулся и вытащил блестящую кругляшку. Зажав ее двумя пальцами, он стряхнул приставший клочок синей материи и стал разглядывать предмет, который лежал у него на ладони. Это был блестящий серебряный кружок, на котором было вычеканено лицо и какие-то непонятные значки. Гриффин не знал, что это буквы. На оборотной стороне он увидел крестик, окруженный круглой каймой, и там тоже были непонятные значки. Гриффин пришел в восхищение. Он унес свою добычу в мастерскую, и, когда Болдуин Печ, злой и мутноглазый, наконец появился там, пробудившись ото сна, мальчик гордо вручил ему свою находку: все добро в доме было хозяйское.

Замочных дел мастер вытаращил глаза и просветлел, точно у него внутри зажглась лампа, глаза сразу заблестели, и голова чудесным образом прояснилась. Он повертел находку в руке, внимательно осмотрел с обеих сторон, затем, подняв голову, заглянул в лицо мальчику со странной заговорщицкой усмешкой и осторожно спросил:

– Где ты это нашел, малец? Ты ее кому-нибудь показывал?

– Нет, хозяин, сразу принес вам. Она была в бадье, что висит в колодце, – ответил Гриффин и рассказал, как кружок там застрял в щелке.

– Молодец, хорошо! И не надо никому рассказывать, что у меня есть такая вещица. Так, значит, она застряла в щелке? – задумчиво продолжал Болдуин, любовно разглядывая свое сокровище. – Ты славный малый! Молодчина! Правильно сделал, что сразу принес ее мне. Для меня эта вещь – большая ценность. Очень большая ценность! – Он весь расплылся в довольной улыбке, а Гриффин тоже улыбался, глядя на него, и гордился собой. – После обеда я дам тебе сластей, я кое-что припас от вчерашнего пира. Уж я тебя награжу за хорошую службу, за мной не пропадет!

Глава вторая. Суббота, от заутрени до полудня

Брат Кадфаэль разбудил Лиливина и привел его в приличествующий вид перед тем, как остальные братья монахи собрались на заутреню. Он рискнул выйти с ним перед рассветом на двор, чтобы юноша мог справить нужду, сполоснуть распухшее от побоев лицо и, несмотря на свой плачевный вид, предстать перед собравшейся братией в более или менее благопристойном облики. Кадфаэль торопился еще и потому, что надо было заблаговременно освободить к приходу приора Роберта его скамью, ибо тот и так своей натянутой миной недвусмысленно выражал неодобрительное отношение к постороннему вторжению и лучше было не давать лишнего повода для раздражения. У обвиняемого и без того было достаточно недругов.

А недруги были уже тут как тут. Сплоченными рядами они как раз входили в ворота, чтобы дружно встать на защиту своих законных прав; на сей раз они пришли предъявлять обвинение, как полагалось по закону. Шериф Прескот поручил вести расследование и переговоры своему сержанту, так как сам был в это время занят слишком важными государственными делами, чтобы отвлекаться на такие мелочи, как попытка убийства и ограбление, случившиеся в небольшом городишке. Шериф только недавно вернулся с пасхального съезда при дворе короля Стефана, где он представил отчет о денежных делах и доходах графства, а теперь нужно было приниматься за весенний смотр королевских войск, проверять состояние военных укреплений. Его помощник Хью Берингар уже отправился по этим неотложным делам на север, а Кадфаэль, твердо веря в здравомыслие, которое Хью проявлял в тех случаях, когда какой-нибудь бедолага попадал в переделку, угодив в лапы закона, горячо желал, чтобы Хью поскорее вернулся и сам разобрался в тяжбе, где пригодился бы его пронизательный ум и умение непредвзято выслушать обе стороны.

Лучше, чтобы расследование вел человек, который ко всему подходит со здоровой долей скепсиса, иначе преимущество всегда будет на стороне обвинения.

Между тем сейчас вместо Хью явился сержант – крупный, представительный мужчина; человек неглупый и достаточно опытный, он был, однако, заранее расположен в пользу обвинителей, а не обвиняемого; вдобавок сержант привел с собой внушительную компанию горожан во главе с провостом Джефффри Корвизером. Этот достойный, порядочный человек отличался терпимостью; он

никого не судил второпях, не вникнув хорошенько в суть дела; но и на него должны были подействовать многочисленные свидетельства почтенных горожан, которые присоединили свои голоса к жалобе пострадавшего семейства. Как на всякой свадьбе, свидетелей оказалось предостаточно, но показаниям свадебных гостей поневоле верилось только наполовину.

Вслед за представителями власти явился Даниэль Аурифабер, несколько помятый после бурных и беспорядочных событий неудавшейся брачной ночи. Одетый по-будничному, он все еще пребывал в воинственном настроении, но ничем не обнаруживал скорби, какой следовало бы ожидать от молодого человека, у которого только что убили родного отца. Казалось, он даже чем-то смущен и поэтому особенно злится.

Кадфаэль пристроился в задних рядах среди монахов, чтобы находиться между воинственно настроенными горожанами и входом в церковь и, если понадобится, загородить дорогу тому, кто, не убоившись гнева аббата, вздумал бы ринуться в помещение. На самом деле он этого не очень опасался в присутствии сержанта, который прекрасно знал, что следует вести себя учтиво с отцом аббатом. Однако там, где собирается вместе дюжина людей, всегда может затесаться один неисправимый балбес, способный выкинуть неожиданную глупость. Оглянувшись через плечо, Кадфаэль увидел бледное, испуганное лицо Лиливина, однако тот стоял молча и спокойно, застыв в напряженном ожидании; быть может, юноша твердо верил в нерушимость церковного убежища либо же просто смирился перед судьбой, кто знает...

– Оставайся внутри, юноша, и старайся не показываться на глаза, – бросил ему Кадфаэль через плечо. – Жди там, пока тебя не позовут. И предоставь все отцу аббату.

Радульфус сдержанно поклонился сержанту, затем провосту.

– После ночного переполоха я ожидал вашего прихода. Я уже знаком с обвинениями против человека, искавшего убежища в нашей церкви и принятого нами, как велит обычай. Однако обвинения не имеют силы до тех пор, пока они не изречены в должной форме устами шерифа или его заместителей. Итак, сержант, мы рады вашему приходу и ждем от вас разъяснения относительно истинного положения дел.

Наблюдая за встречей, Кадфаэль отметил, что аббат не выразил желания пригласить пришедших в дом капитула или под крышу приемного зала. Утро стояло ясное и солнечное, и аббат решил, что переговоры пройдут быстрее, если не рассиживаться. А сержант, очевидно, понимал, что не может потребовать выдачи беглеца, искавшего защиты у Церкви, и поэтому стремился только оговорить все условия, чтобы затем заняться сбором доказательств в другом месте.

– Я пришел, – деловито начал свою речь сержант, – предъявить обвинение бродячему актеру Лиливину. Оный Лиливин, подрядившийся вчера развлекать гостей на свадьбе в доме мастера Уолтера Аурифабера, нанес вышереченному мастеру Уолтеру удар по голове, когда тот у себя в мастерской укладывал полученные в подарок ценные вещи в сундук, а затем похитил из упомянутой сокровищницы много серебряных монет и различных изделий из серебра и золота. Показания о том получены под присягой от присутствующего здесь сына мастера Аурифабера и подкреплены показаниями десяти человек из числа гостей.

– И вы убедились, что обвинение было обоснованным? – спросил Радульфус деловым тоном. – По крайней мере, установили, что преступление, кем бы оно ни было совершено, действительно имело место?

– Я осмотрел мастерскую и сундук. Из сундука все вынуто, кроме тяжелых серебряных изделий, которые нельзя было бы вынести незаметно. Я снял со свидетелей сделанные под присягой показания, согласно которым в сундуке находилась большая сумма в серебряных пенни, а также мелкие драгоценные изделия. Все они исчезли. Что же касается нападения на мастера Аурифабера, то у сундука, возле которого его нашли лежащим, обнаружены следы крови, а также я видел его самого – он все еще находится без сознания.

– Однако он не мертв? – настойчиво спросил Радульфус. – Сегодня ночью тут громко кричали об убийстве.

– Мертв? – откровенно удивился честный сержант. – Ничего подобного! Его, правда, здорово оглушили, но не до такой степени, чтобы убить. Если бы он не накачался так сильно на свадьбе, то мог бы уже и сам рассказать, что случилось, а так он еще не очухался. Кто-то здорово саданул его по башке, однако крепкая голова и не такое выдержит... Нет, он, слава Богу, живехонек и, насколько я могу судить, не умрет раньше положенного срока.

Свидетели, сплоченными рядами угрюмо стоявшие у него за спиной, начали переминаясь и отводить глаза, исподтишка поглядывая в сторону аббата и церковной двери. Как видно, они были сильно разочарованы, что самое серьезное обвинение оказалось опровергнуто, однако, помня свою смертельную обиду, все еще мечтали, чтобы на шее виновного затянулась петля.

– Итак, насколько я понял, – спокойно сказал аббат, – человек, который попросил у нас убежища, обвиняется в нанесении раны и в ограблении, но не в убийстве.

– Да, так установлено при расследовании. Согласно показаниям свидетелей из причитающейся ему платы были вычтены деньги за разбитый кувшин, который он уронил, и он громко жаловался на это, когда его выгоняли. А спустя немного времени произошло нападение на мастера Аурифабера, причем большинство гостей еще были у него в доме.

– Я вполне понимаю, – заговорил аббат, – что такое обвинение требует расследования и судебного разбирательства. А вы, я думаю, хорошо знаете святое право церковного убежища. Оно дается не для того, чтобы покрывать злодеяния, а для того, чтобы у виновного было время спокойно подумать о своей душе, а у невиновного, – уповая на Бога, ждать своего оправдания. Право убежища нерушимо. И покуда не минет положенный срок, оно должно свято соблюдаться. На сорок дней человек, которого вы разыскиваете по указанному обвинению, принадлежит нам – нет, не нам – Богу! – и его никто не имеет права ни вызывать, ни выманивать посулами, ни выводить против его воли из этих стен. На протяжении этих сорока дней он должен оставаться на нашем попечении, получая от нас кров и пищу.

– На это я согласен, – ответил сержант. – Однако с некоторыми условиями. Он вошел сюда по своей воле и должен довольствоваться той пищей, которую получают обитатели монастыря. – Для тучного здоровяка сержанта этого явно было бы маловато, но для Лиливина, привыкшего к куда более скудному питанию, более чем достаточно. – А по истечении оговоренного срока его более не обязаны снабжать пищей, и он должен тогда выйти из стен монастыря, дабы предстать перед судом.

Не хуже Радульфуса зная закон, сержант изложил свои требования совершенно невозмутимо. Ни о каком продлении срока убежища не может быть и речи, а после его окончания голод вынудит Лиливина выйти из укрытия. Сорокадневной

отсрочкой преступнику явлено достаточное милосердие.

– Таким образом, – снова заговорил аббат, – вы согласны, чтобы в течение оговоренного срока этот человек был оставлен в покое и мог заняться попечением о своей душе. Я не менее вашего стою за правосудие, и вы знаете, что я буду соблюдать наши условия и ни сам не помогу обвиняемому скрыться, ни другим не позволю устроить ему побег. Но мне кажется, было бы справедливо договориться о том, чтобы не вынуждать его сидеть, как в заточении, в стенах церкви, а предоставить ему возможность свободно передвигаться в пределах монастырской ограды, для того чтобы он мог пользоваться умывальной и нужником, совершать прогулки на воздухе и содержать себя в приличествующем виде.

Сержант согласился на это без возражений:

– В черте монастыря он может передвигаться свободно, милорд. Но если он ступит за ворота, то при первом же шаге его будут ждать мои люди.

– Договорились! Теперь, если хотите, вы можете побеседовать с обвиняемым юношей в моем присутствии, но без участия этих свидетелей. Обвинители уже сказали свое слово; будет только справедливо, если и ему дадут возможность так же свободно высказать свою точку зрения. После вашей беседы с ним дело будет отсрочено до последующего судебного разбирательства.

Даниэль открыл было рот, чтобы громко возмутиться, но, встретив холодный взгляд аббата, передумал. По толпе его приверженцев прошел невнятный ропот и волнение, однако никто не осмелился открыто поднять голос. От имени горожан выступил провост:

– Милорд! Я не был вчера в гостях на свадьбе, и я не знаю в точности, что там произошло. Я представляю здесь всех жителей Шрусбери и, с вашего позволения, желал бы непредвзято выслушать то, что этот юноша скажет в свое оправдание.

Аббат с готовностью дал свое согласие:

– Хорошо, пойдите в церковь! А вы, добрые люди, расходитесь с миром по домам!

Горожане неохотно повиновались, недовольные тем, что до поры до времени добыча выскользнула у них из рук. Один только Даниэль не отправился вместе со всеми, а выступил вперед, чтобы обратить на себя внимание аббата. Он выглядел крайне озабоченным и, словно забыв об обидах ради более важного дела, заискивающим тоном обратился к настоятелю:

– Прошу вас, святой отец, выслушайте меня! Правда ваша, что нынче ночью все погорячились, когда увидели моего отца лежащим на полу в луже крови. Мы и впрямь подумали, что он мертв, и слишком рано подняли крик об убийстве, но ведь и сейчас еще не скажешь, насколько тяжелы будут последствия. А у моей бабушки от этого известия повторился припадок, какой уже был у нее однажды, и, хотя сейчас старушке стало немного лучше, она еще очень плоха. После первого припадка бабушка больше, чем всем остальным лекарям, доверяет брату Кадфаэлю. И она велела мне спросить, не может ли он к ней прийти со своими лекарствами, потому что знает самое лучшее средство от одышки и болей в груди.

Аббат оглянулся, ища глазами Кадфаэля. Тот был уже рядом; едва услышав просьбу Даниэля, монах поспешил выйти наружу и ждал, когда его позовут. Что и говорить, он весь дрожал от нетерпения, потому что после ночи, проведенной в обществе Лиливина, его снедало любопытство, страшно хотелось разузнать, что же на самом деле произошло на свадьбе Даниэля Аурифабера.

– Я отпускаю тебя, брат Кадфаэль. Пойди с ним и сделай что возможно для этой женщины. Ты можешь оставаться там, сколько будет нужно.

– Иду, отец мой, – радостно ответил Кадфаэль и бодро поспешил в аптекарский сад, чтобы взять из своего сарайчика все, что могло понадобиться для лечения.

Усадьба золотых дела мастера находилась на улице, ведущей к городским воротам, которые располагались на узком перешейке, соединявшем город с остальным миром; основная же часть города лежала в излучине Северна и, словно остров, была со всех сторон окружена водой. Участки домов по обе стороны улицы заканчивались у городской стены, усадьба Аурифабера была одной из самых больших в Шрусбери, а ее хозяин считался одним из самых богатых горожан. Дом мастера Аурифабера представлял собой прямоугольное строение, одним крылом выходившее на улицу. Аурифабер, который все время

выискивал новые способы заработать деньги, отделил переднюю часть своего дома и сдал ее внаем под мастерскую и жилище замочному мастеру Болдуину Печу, немолодому бездетному вдовцу, которому приглянулся этот флигель. Через узкий проход между двумя мастерскими можно было попасть во двор с колодцем, а также поварнями, коровниками и отхожими местами. Про Уолтера Аурифабера говорили, будто у него даже отхожая яма выложена каменной кладкой, что, на взгляд многих людей, было большой дерзостью и граничило с посягательством на привилегии благородного сословия. В конце двора начинался береговой уклон, там находились огород и птичий двор, упирающиеся в городскую стену. Владения Аурифабера продолжались еще и за городской стеной; туда можно было попасть, пройдя под аркой, за которой раскинулась зеленая лужайка, кончавшаяся у реки.

Кадфаэль уже не раз навещал этот дом по требованию пожилой матроны, которой шел уже девятый десяток. Почтенная Джулиана считала, что в оплату за свои щедроты не только обеспечила своей душе местечко в раю, но также откупила себе у монахов право на попечение о своих телесных недугах. В восемьдесят лет болезни неувидительны, и Джулиана частенько прихварывала: из-за малейшей ранки или царапины у нее на ногах образовывались язвы, поэтому, занимая одну из двух комнат наверху, она редко оттуда спускалась. Если она как хозяйка дома сидела во главе стола на свадебном пиру – а это, кажется, так и было, – то, верно, клюка, от которой пострадал бедняга Лиливин, была у нее под рукой. Старушка была скоро на расправу и частенько поколачивала тех, кто ей не угодил.

Единственным человеком, в ком она будто бы просто души не чаяла, был ее внучек Даниэль, но даже он никакими уловками не мог заставить ее развязать кошелек. Сын Уолтер весь пошел в матушку и был таким же скопидомом, как она. Но в нем, по-видимому, жила непоколебимая вера в свою добродетель, благодаря которой он, несомненно, попадет в рай, а может быть, просто по причине относительно нестарого возраста ему еще не пришло время задумываться о том, что ждет его после смерти, и монастырские алтари не могли похвастаться дарами Уолтера Аурифабера. Свадьбу наследника Аурифаберы обставили с должной роскошью, однако все затраты до последнего пенни наверняка предполагалось восполнить из денег, предназначенных на хозяйственные нужды, за счет самой жесткой бережливости в течение ближайших месяцев. Среди недоброжелателей Уолтера Аурифабера ходила невеселая шутка, что его жена, дескать, умерла от голода после того, как родила ему сына, поскольку затраты на ее содержание с этого времени стали считаться излишними.

Следуя за угрюмо молчавшим Даниэлем, Кадфаэль миновал узкий проход между двумя мастерскими и очутился перед раскрытой дверью, ведущей в зал. В этот час весь двор лежал в густой тени, но небо сияло безоблачной голубизной. Переступив через порог, они окунулись в пропитанный запахом сухого дерева сумрак. Справа находилась дверь, ведущая в комнату дочери, за нею – кладовые с хозяйственными припасами, в которых она была полновластной хозяйкой. Дальше начиналась лестница без перил, ведущая в верхние покои. Кадфаэль уже знал дорогу и поднялся наверх. Первая же дверь на узкой галерее, пристроенной к боковой стене зала, вела в комнату Джулианы. Не доходя до лестницы, Даниэль, не говоря ни слова, повернул назад и нехотя потащился обратно в мастерскую. На ближайшие несколько дней вся работа там падала на его плечи, он остался в ней за мастера и за хозяина. Говорили, что Даниэль мог быть хорошим работником, когда не ленился или когда старшим удавалось его заставить.

На пороге Кадфаэль столкнулся с женщиной, которая выходила из комнаты. Такая же высокая, как ее брат, с такими же красивыми каштановыми волосами, дочь Уолтера Аурифабера Сюзанна в свои тридцать с лишком лет заправляла всем в доме, вот уже пятнадцать лет на ней целиком лежали хозяйственные заботы. Холодная сдержанность и достоинство Сюзанны, казалось, исключали самую мысль о насилии и преступлении. Когда почтенная Джулиана начала прихварывать, к Сюзанне перешли домашние обязанности ее матери. Говорили, что она похожа на покойницу. У Сюзанны хранились ключи от дома, она смотрела за кладовыми, – словом, на ней держался весь дом, и она деловито и спокойно справлялась со своими обязанностями. «Славная девушка!» – говорили о ней. Вот только девичество ее слишком затянулось.

Сюзанна улыбнулась брату Кадфаэлю, но улыбка ее была сдержанной и холодноватой. У нее было бледное чистое овальное лицо с широко посаженными серыми глазами, которые удивительно гармонировали с отливающими рыжиной каштановыми волосами, убранными в строгий узел. Одета она была в простое темное платье, как полагается аккуратной хозяйке. Связка ключей на поясе была ее единственным украшением.

Кадфаэль давно был знаком с Сюзанной, но не мог похвастаться, что хорошо знает ее.

– Вам нечего беспокоиться, – бодро сказала ему Сюзанна. – Все уже прошло. Она только напугана. Думаю, сейчас она будет расположена к тому, чтобы прислушаться к вашим советам. С ней там сидит Марджори.

Марджори? Ах да! Молодая жена Даниэля! Довольно необычное поручение новобрачной в первый день после свадьбы – ухаживать за мужниной бабкой! Когда-нибудь в будущем, вспомнил Кадфаэль, Марджори Бель, единственная дочь торговца тканями Эдреда Беля, должна получить очень неплохое наследство, ведь у нее нет братьев; впрочем, она и сейчас уже принесла в дом хорошее приданое. Неплохое приобретение для семьи скопидомов! Неужели для нее не нашлось жениха получше и родители выдали ее замуж за первого, кто сделал предложение? Или ей давно приглянулся Даниэль, и она сама выбрала этого кудрявого, избалованного красавчика, который сейчас, уединившись в мастерской, наверное, злится, хмуро подсчитывая убытки?

– А как себя чувствует ваш батюшка?

– Ничего. Даст Бог, все обойдется, – деловито ответила Сюзанна. – Папаша был в изрядном подпитии, и это, вероятно, спасло его. Обмякнув, он плюхнулся, как мешок. Загляните, пожалуйста, к нему, когда бабушка вас отпустит. – И, сдержанно улыбнувшись на прощание, Сюзанна оставила Кадфаэля и бесшумно удалилась вниз по лестнице.

Если припадок и впрямь лишил почтенную матрону дара речи, то, надо сказать, она на удивление быстро оправилась. Старушка лежала пластом, не поднимая головы от подушки, и правильно делала. Ей следовало провести в этом положении денька два. Зато язык ее работал не переставая все время, пока Кадфаэль щупал ей лоб, считал удары сердца и, оттянув веко, внимательно исследовал зрачки налитых кровью серых глаз. Он дал ей выговориться, не вступая в разговор, и только слушал, стараясь не упустить ни малейшей подробности из ее рассказа.

– Вот уж чего я не ожидала от господина аббата! – возмущалась Джулиана, поджимая тонкие сизые губы. – Как мог он встать на сторону какого-то побродяжки! Это же настоящий разбойник, вор и убийца! А он пошел против нас, честных ремесленников, которые исправно платят подати и свято блюдут все обряды христианской церкви. Как же вам всем не стыдно было давать приют

такому негодяю!

– Насколько я слышал, – кротко возразил Кадфаэль, роясь в своей сумке, где у него был пузырек с порошком сушеной омелы, – ваш сын не умер и не собирается умирать, тем не менее ваши гости целой толпой погнались за актером с криком: «Держи убийцу!».

– Ему просто повезло, что он не погиб, – сказала как отрезала старуха. – И потом неважно, жив он или мертв! Сами знаете, за такие дела полагается виселица. А помри я тогда, что бы вы на это сказали? Дело могло кончиться двумя смертями в придачу к разорению семьи. Какой-то несчастный менестрелишка, а столько бед натворил за одну ночь, что дальше уж, кажется, некуда. Ничего! Он еще за это поплатится! Хотя бы и через сорок дней, а мы своего дождемся. Уж он от нас не уйдет!

– Если он убежал от вас, нагруженный вашим добром, – сказал Кадфаэль, отсыпая себе на ладонь щепотку порошка, – то к нам в церковь он уж точно прибежал без поклажи. Один ваш жалкий пенни – вот все, что тогда было при нем!

Затем Кадфаэль обернулся к молодой женщине, стоявшей наготове у изголовья:

– Найдется у вас немного вина или молока? Что есть, то и сгодится. Разведите в нем этот порошок.

Марджори была маленькая пухленькая двадцатилетняя девушка, со свеженьким и розовощекиным личиком и густой копной неприбранных светлых волос. Она испуганно смотрела на все круглыми глазами. Неудивительно, что она растерялась, очутившись вдруг в чужом доме, где все вверх дном, однако то, что от нее требовалось, она выполнила спокойно и толково и управилась с кувшином и чашкой, не пролив ни капли.

– У него было достаточно времени, чтобы припрятать награбленное, – упрямо стояла на своем старуха. – Уолтер отсутствовал уже более получаса, прежде чем Сюзанна забеспокоилась и пошла его искать. За это время негодяй перебрался через мост и спрятался там в кустах.

Припав губами к протянутой чашке, она с готовностью выпила ее содержимое. Как ни велика была ее обида на аббата и монастырь, это не повлияло на веру в целительную силу снадобий брата Кадфаэля. В целом свете не нашлось бы, наверное, такого предмета, в отношении которого они с Джулианой могли прийти к согласию, но оба питали друг к другу уважение. Даже у этой жадной и властной старухи, тиранившей всю семью и до смерти запугавшей прислугу, имелись кое-какие добродетели: ее мужество, неукротимый дух и честность невольно вызывали почтение.

– Он клятвенно заверяет, что и пальцем не дотронулся ни до вашего сына, ни до вашего золота, – сказал Кадфаэль. – Я заранее признаю, что он мог и солгать, но и вы тоже должны согласиться, что могли ошибиться.

Джулиана ответила на это полнейшим презрением. Поерзав на подушке, она поудобнее пристроила тощую седую косицу, которая раздражала ее, мешая спокойно лежать.

– Кто же еще мог это сделать, кроме него? Он был тут единственный чужой человек, к тому же затаивший обиду, потому что я вычла из его платы стоимость разбитой вещи...

– О чем, кстати, он рассказал иначе: какой-то подгулявший парень толкнул его под руку, и по его вине он нечаянно разбил ваш кувшин.

– Его дело было смотреть лучше! Уж коли ты нанялся в дом, так умей принаравливаться ко всякой компании. Да, кстати, я вспомнила, что, когда его от нас выставляли, он не успел забрать своих игрушек – раскрашенных колечек и шариков. Чужого я не хочу, но и свое, что он стащил, сумею себе воротить. Сюзанна отдаст вам его финтифлюшки, пускай забирает на здоровье! По крайней мере, он не сможет сказать, что мы в расчете, потому что его здесь тоже обворовали.

Она была так дотошна, так щепетильна, что возвращала жонглеру все, что ему принадлежало, и в то же время без малейших угрызений собиралась отправить его на виселицу!

– Вы ему и так уж проломили голову, так что можете быть довольны. Еще один такой удар – и, возможно, на вас пало бы обвинение в убийстве. А теперь

успокойтесь и послушайте-ка лучше, что я вам скажу! Если вы будете так скандалить, то сами вгоните себя в гроб. Приучите себя к смирению и кротости и не давайте воли своему гневу, иначе с вами случится третий припадок, похуже первых двух, который может оказаться для вас последним.

В первый раз за весь разговор Джулиана, как видно, серьезно призадумалась. Наверное, она уже и сама себе это говорила, прежде чем услышала предостережение Кадфаэля.

– Уж какая я есть, такая есть! – сказала она, признавая правоту Кадфаэля.

– Все хорошо до поры до времени. Предоставьте молодым сходить с ума из-за пустяков. Все это пройдет и забудется. Смотрите, вот тут я оставляю вам пузырек с сердечным отваром. Это лучшее средство для укрепления сердца, какое я знаю. Принимайте его, как я вас раньше учил, да не вставайте сегодня с постели. Завтра я снова зайду вас проведать. А теперь, – закончил брат Кадфаэль, – я пойду взглянуть на мастера Уолтера.

Золотых дел мастер громко храпел, на голове у него красовалась повязка, и его вытянутое лицо, имевшее обычно подозрительное выражение, во сне расслабилось. Убедившись, что сон для него сейчас лучшее лекарство, Кадфаэль решил его не будить. В задумчивости монах спустился вниз и направился на задворки, где была кухня, чтобы найти Сюзанну. У очага трудилась тщедушная девчушка. Подкинув дров в еле теплящийся огонь, она, поднатужась, повесила на крюк большой котел. Кадфаэль уже как-то видел мельком эту девочку; ему запомнились черные глазищи на пол-лица, смуглое личико и копна спутанных темных волос. Безродная сирота, прижитая какой-нибудь безродной служанкой от хозяина или хозяйского сынка, а то и от заезжего гостя. Девочке пришлось расти в семье скопидомов, и все же она попала еще не в самые плохие руки. По крайней мере, ее здесь кормили, одевали в хозяйские обноски, и, кроме требовательной и злой старой госпожи, у нее была еще и другая хозяйка – спокойная и мягкая Сюзанна, которая никого не тиранила и не любила браниться.

Кадфаэль дал Сюзанне отчет о состоянии бабушки; она выслушала все, внимательно глядя ему в лицо, время от времени отвечая понимающим кивком и не задавая никаких вопросов.

– А ваш батюшка спит. Я не стал его будить. Сон, наверное, самое лучшее для него лекарство.

– Ночью, когда мы его нашли, я сразу же сходила за лекарем, – сказала Сюзанна. – Бабушка-то теперь ни о ком, кроме вас, и слышать не хочет, а батюшка больше всех доверяет мэтру Арнальду, что живет здесь неподалеку. Хотя батюшке понадобилось несколько часов, чтобы прийти в себя, лекарь объявил, что ушиб не опасен. Может статься, сказалось то, что батюшка перед тем довольно много выпил.

– А он еще не приходил в себя настолько, чтобы рассказать, что с ним случилось? Видел ли он сам человека, который его ударил?

– Пока ни словечка. Когда он приходит в себя, у него так болит голова, что он ничего не в силах припомнить. Может быть, потом сумеет.

Во спасение или на погибель Лиливина... Однако, как там ни обернется дело, а Уолтер Аурифабер при всех своих прочих качествах, во всяком случае, не лжец. Сейчас от Уолтера ничего не узнаешь, зато что-нибудь могут поведать его домочадцы, а Сюзанна – самый серьезный и рассудительный человек в этом доме.

– Я слышал, в чем общее мнение обвиняет этого юношу, но ничего не знаю о том, как все произошло. Я знаю, что молодые ребята побуянили, как, впрочем, всегда водится на свадьбах, и тогда разбился кувшин. Я знаю, что ваша бабушка ударила парнишку клюкой и приказала вышвырнуть его за дверь, заплатив ему только пенни. По его словам, он с тем и убрался, зная, что спорить тут бесполезно, и потому не ведает, что? произошло дальше, но, услышав шум погони и поняв, что ловят его, бросился бежать и нашел укрытие у нас в церкви.

– Ничего странного, что он рассказал все именно так, – рассудительно согласилась Сюзанна.

– Слова каждого человека могут оказаться правдой или неправдой, – наставительно изрек Кадфаэль. – Через сколько времени после его ухода мастер Уолтер отправился в свою мастерскую?

– Да, пожалуй, около часа спустя. Некоторые гости уже начали расходиться, но ребята побойчее остались, чтобы проводить Марджори до дверей спальни, и человек двенадцать толпились на галерее. Свадебные подарки были выставлены на обозрение, но тут перед концом праздника отец взял их со стола и понес в мастерскую, чтобы спрятать в окованный железом сундук. Наверху тем временем веселье было в полном разгаре, и я, наверное, только спустя полчаса после его ухода забеспокоилась, отчего он не возвращается. Там была золотая цепочка и кольца от отца Марджори, серебряный кошелек и серебряная пектораль с эмалью – чудесные вещицы! Я вышла из зала, через двор прошла в мастерскую и там увидела его на полу. Он лежал ничком около сундука, крышка была откинута, и внутри было почти пусто, исчезло все, кроме тяжелых серебряных блюд.

– Так, значит, музыкант ушел за час до того, как это случилось. Видел ли его кто поблизости от дома, после того как его выгнали?

Она улыбнулась и с сожалением покачала головой:

– Стояла такая кромешная тьма, что никто не заметил бы, даже если бы там шатались хоть сто человек. И не так уж смиренно он вел себя, как вам рассказывает! Перед тем как уйти, он так ругался, обзывал нас такими словами, каких я, честное слово, никогда не слыхивала! И он орал, что еще заставит нас расплатиться за все обиды. Впрочем, что и говорить, с ним и впрямь обошлись несправедливо. И кто же, в конце концов, кроме него, мог это сделать? Неужто люди, которых мы знаем всю жизнь, соседи с нашей улицы? Нет, уж будьте уверены, это он прятался на дворе в темном углу, пока не увидел, что отец один пошел в мастерскую; тогда он потихоньку подкрался, увидел открытый сундук и понял, какое там богатство. Уверю вас, для бедняка это был очень большой соблазн. И все-таки даже бедные люди обязаны не поддаваться искушению!

– Я вижу, вы очень уверены, – сказал Кадфаэль.

– А я и уверена. И он ответит за это головой.

Тут маленькая служанка вдруг резко повернула к ним лицо, обратив на говорящих широко открытые глаза. До чего же они были огромны и печальны! Из ее приоткрытых уст вырвался внезапно придушенный слабый вскрик, как будто пискнул котенок.

– Раннильт у нас немного свихнулась из-за этого паренька, – без околичностей объявила Сюзанна, выказывая снисходительное презрение к глупости служанки. – Он ужинал с ней на кухне, пел ей песни и играл на скрипке. Она жалеет его. Но что случилось, того не изменишь!

– И после того как вы нашли своего отца лежащим на полу, вы, конечно, бросились в дом звать людей на помощь?

– Я не смогла его сама поднять. Я громко объявила, что случилось, и те из гостей, кто еще не ушел, побежали в мастерскую, а из подвала прибежал Йестин, наш работник, – он спит там внизу, а в тот вечер нарочно пораньше лег спать, зная, что ему с утра придется одному управляться в мастерской... Понятное дело, он заранее готовился к тому, что хозяин с похмелья будет маяться головой, а его сын поспит подольше после брачной ночи. Мы отнесли отца в спальню и уложили, и кто-то – уж я не помню, кто был первым, – сказал, что это дело рук жонглера и что он не мог еще далеко уйти. И тогда они все как один бросились его ловить. А я посадила Марджори присматривать за отцом, а сама побежала за мэтром Арнальдом.

– Вы сделали все, что было возможно, – похвалил ее Кадфаэль. – Ну, а когда же случился удар у госпожи Джулианы?

– Это было уже без меня. Она еще до всего переполоха удалилась к себе в спальню и, может быть, даже поспала, хотя, я думаю, навряд ли она могла уснуть, когда на галерее поднялся шум и гам. Но едва я успела выскочить за порог, как она приковыляла в спальню к отцу и увидела его там, окровавленного, лежащего без чувств. Марджори говорит, она только схватилась за сердце и рухнула на пол. Но этот припадок был все-таки не такой сильный, как в прошлый раз. Когда я вернулась с доктором, она уже пришла в себя и могла разговаривать. Заодно он и ей оказал помощь.

– Ну что ж! Оба на этот раз отделались испугом, – задумчиво сказал Кадфаэль. – Все обошлось благополучно. Ваш батюшка – сильный человек, при его хорошем здоровье он скоро поправится и доживет до старости. Но для вашей бабушки такие передряги опасны. Я и ей сказал, что эдак и умереть недолго.

– Утрата ее сокровищ, – бесстрастно закончила Сюзанна, – для нее самый убийственный удар. Уж если она его переживет, то ей не грозит смерть раньше

положенного срока. Мы все тут люди выносливые, брат Кадфаэль. Очень выносливые!

Вместо того чтобы выйти прямо на улицу, Кадфаэль через боковую дверь вошел в мастерскую Уолтера Аурифабера. Вероятно, Уолтер попал туда тем же путем, когда, собрав драгоценности из золота и серебра, украшенные эмалью и сверкающими камнями, решил положить их в кованый сундук, где хранил свои богатства. Захоти потом мистрис Марджори покрасоваться в своих драгоценностях, ей было бы нелегко выцарапать их оттуда. Хотя кто знает! Может статься, что в этой пухленькой и незаметной женщине неожиданно проявится бойцовский характер. Женская наружность бывает очень обманчива.

Войдя в мастерскую, Кадфаэль увидел по левую руку от себя дверь на улицу. У самого входа находился особый стол, на котором выставлялись изделия мастерской, а в глубине было множество полочек, маленький горн, в котором сейчас не горел огонь, и верстаки; за одним из них, хмуро сдвинув брови, трудился сын хозяина над оправой для дымчатого мохового агата.

Однако, как ни был он занят мыслями о несчастьях, постигших его семью, пальцы его проворно управлялись с миниатюрными орудиями его тонкого ремесла. Работник Аурифаберов сидел возле горна и взвешивал на весах маленькие пластинки серебра. Какой крепко сбитый здоровяк этот Йестин! На вид ему, кажется, лет двадцать семь – двадцать восемь. Взгляд Кадфаэля упал на склоненную голову с густой шапкой коротко подстриженных прямых черных волос. Но вот Йестин обернулся, услышав, что кто-то вошел, и взору монаха открылось широкое, костистое, смугловатое лицо с густыми бровями и глубокими глазницами – лицо истого валлийца. Подобродушнее, чем у его хозяина, однако не такое смазливое.

Завидя Кадфаэля, Даниэль отложил в сторону инструменты.

– Вы осмотрели обоих? Ну, что о них скажете?

– На этот раз оба отделались сравнительно легко, – ответил Кадфаэль. – За мастером Уолтером наблюдает его лекарь, который полагает, что жизнь больного совершенно вне опасности, только память пока еще не вернулась. Госпожа Джулиана оправилась от удара, но любое новое потрясение может

стать для нее смертельным, что и неудивительно. Немногие доживают до такого возраста.

Судя по выражению лица молодого человека, он, кажется, подумал про себя, что лучше бы и не доживали. Так или иначе, он знал, что является бабушкиным любимчиком, и при случае пользовался ее слабостью. Возможно, он по-своему даже любил ее, настолько, насколько нетерпеливая молодость может любить сварливую старость. Кажется, этот юноша не был бесчувственным от природы, а только слишком избалованным. Сынки из купеческого сословия иной раз вырастают такими же негодниками, как наследники баронского рода, – и тех и других портит их привилегированное положение.

В дальнем углу мастерской стоял опустошенный грабителем кованый сундук Уолтера – большущий, опоясанный железными полосами ящик, надежно прикрепленный болтами к полу и к стене. Желая, чтобы монахи, давшие приют злодею, хорошенько прониклись чудовищностью совершенного преступления, Даниэль отомкнул двойные замки, откинул крышку и показал, что? осталось внутри, – там лежало несколько тяжелых блюд из серебра, слишком громоздких, чтобы вор решил не связываться с такой тяжестью.

Все, что рассказал и готов был неустанно повторять всякому, кто соглашался слушать его историю, молодой Аурифабер, полностью совпадало с рассказом Сюзанны. Йестин, к которому Даниэль после каждой фразы своей печальной повести оборачивался за подтверждением, только торжественно кивал, наклоняя черноволосую голову и давая понять, что согласен с каждым словом.

– Так вы все уверены, что виновен именно жонглер? – спросил Кадфаэль. – Ни у кого нет мысли, что кто-то другой мог быть вором? В городе всякому известно, что мастер Уолтер богат. Но мог ли нездешний человек знать о размерах его богатства? Мне кажется, что у нас найдутся люди, которые способны позавидовать чужому достатку.

– Да уж, что верно, то верно, – хмуро согласился Даниэль. – Один такой живет как раз поблизости – только через двор перейти. Я бы и сам на него подумал, да он был у меня все время на глазах. А раз так, то что тут говорить! По-моему, он-то как раз первый и заявил, что надо ловить жонглера.

– Как? Неужели вы про вашего жильца, замочного мастера? Безобиднейший человек, как мне казалось. Платит за помещение, что положено, и сидит у себя в мастерской, как все добрые ремесленники.

– В мастерской сидит его работник Джон Бонет, а ему помогает слабоумный мальчишка, – сказал Даниэль с презрительным смешком. – Сам Печ занят другим – сует свой длинный нос в чужие дела, а потом разносит сплетни по кабакам. Такой проныра и угодник! В лицо тебе будет улыбаться, а только отвернись – за спиной как раз и охает. Если хотите знать мое мнение, то я считаю, что он кого угодно способен обворовать. Но вчера он все время торчал в зале, так что это был не он. И не сомневайтесь даже, мы взяли верный след, когда все кинулись за этим бродягой Лиливином, вот увидите, это его рук дело!

Все в их рассказах сходилось, и, возможно, они были правы. Против этого можно было выставить только одно возражение: мог ли пришлый человек, не знающий города, найти темной ночью укромное место, где он так надежно запрятал бы свою добычу, чтобы ее никто не нашел, а он сам сумел бы потом легко забрать ее и унести? Расстроенная семья могла отмахнуться от этих соображений. Но Кадфаэлю они мешали согласиться с общим мнением.

Когда Кадфаэль выходил через ту же дверь, в которую вошел, и хотел закрыть ее за собой на щеколду, через порог протянулся длинный луч солнечного света, и на сквозняке в нем вдруг затрепетал тонкий светло-желтый волос, зацепившийся за дверной косяк на уровне его глаз. Сейчас эта сторона двери была от него справа; когда он входил, она была по левую руку, но тогда здесь не было солнечного луча, который между тем успел сюда перебраться. Тонкий, как паутинка, блестящий льняной волос. Кадфаэль взялся за него кончиками пальцев и осторожно потянул. Льняной волосок держался на косяке, приклеенный каплей буроватого вещества, сейчас оно отлепилось вместе с волосом, рядом с которым оказался еще один, целиком прилипший к двери. Кадфаэль так и впился глазами в эту находку, но, кинув через плечо взгляд в мастерскую, тотчас же закрыл за собой дверь. С того места, откуда смотрел монах, был отлично виден угол, где стоял сундук; отсюда было удобно наблюдать за склонившимся над ним человеком.

Суший пустяк пробил серьезную брешь в перечне доказательств невиновности, от которых зависела, ни много ни мало, человеческая жизнь! Кто-то стоял на пороге и, прижавшись к дверному косяку, подглядывал оттуда за стариком – кто-то, кто был одного роста с Кадфаэлем, невысокий человек с льняными

волосами и свежей раной у левого виска.

Глава третья. Суббота, от полудня до ночи

Кадфаэль все еще стоял в раздумье, держа на ладони зловещую находку, но тут его окликнул кто-то из зала, и внезапный порыв ветра в тот же миг подхватил и унес оба волоска. Пускай себе летят! Они уже поведали ему свою красноречивую повесть и вряд ли могли добавить к ней что-либо еще. Обернувшись, он увидел в дверях зала удаляющуюся Сюзанну, а навстречу ему торопливо шла маленькая служаночка с узелком в руке.

– Мистрис Сюзанна сказала, что госпожа Джулиана велела отдать эти вещи, чтобы они не валялись у нас в доме. – Девушка приоткрыла узелок, в котором Кадфаэль разглядел раскрашенные деревянные предметы, кое-где облезлые от долгого употребления. – Это пожитки Лиливина. Она сказала, что вы их заберете и отдадите ему. – Черные, распахнутые во всю ширь глаза так и впились в Кадфаэля. – Правда ли то, что говорят? – пытливо спросила она, понизив голос. – В церкви его никто не тронет?

– Да, он у нас, и там для него вполне безопасно, – ответил Кадфаэль. – Сейчас ему никто ничего плохого не сделает.

– Не очень его побили? – с тревогой в голосе спросила девушка.

– Ничего страшного с ним не случилось, все заживет, пока он отдыхает. Сейчас можно за него не беспокоиться. Правом убежища он будет пользоваться сорок дней. Мне кажется, – сказал Кадфаэль, внимательно вглядываясь в тонкое личико с широко расставленными глазами и нежно очерченными, выступающими скулами, – что тебе нравится этот молодой человек.

– Он так хорошо пел и играл на скрипке, – вздохнула девочка. – И ласково разговаривал, и рад был посидеть со мной на кухне. Этот час был самым лучшим в моей жизни! А теперь я за него боюсь. Что с ним будет, когда пройдет сорок дней?

– Что будет? Ну уж коли на то пошло, сорок дней ведь немалый срок, так что многое может за это время измениться, в крайнем случае он попадет все-таки в руки закона, а не в руки своих обвинителей. Закон хоть и суров, но справедлив. И к тому времени люди, которые его обвиняют, позабудут нынешнюю горячку, а если и не позабудут, то не смогут его пальцем тронуть. Если ты хочешь ему помочь, раскрой пошире глаза и уши и, коли узнаешь что-нибудь новое, расскажи об этом всем.

Очевидно, самая мысль о такой возможности испугала девушку. Кто станет прислушиваться к ее словам? Кому это нужно?

– Мне ты можешь рассказывать все без опаски, – ободрил девушку Кадфаэль. – Ты знаешь что-нибудь о том, что происходило здесь ночью?

Пугливо оглянувшись через плечо, она затрясла головой:

– Мистрис Сюзанна отослала меня спать, мой угол на кухне, я даже и не слышала... Я с ног падала от усталости.

Кухня стояла в стороне от дома – при тесной городской застройке всегда существовала опасность пожара, деревянные дома воспламенялись быстро. Нароботавшись за день, девушка действительно могла проспать всю кутерьму.

– Я знаю только одно, – продолжила она, отважно глядя в глаза Кадфаэлю, и он увидел на ее юном, нежном лице такую решимость, которая невольно внушала уважение, – я знаю, что Лиливин не причинял зла ни моему хозяину, ни вообще кому бы то ни было. И то, что на него наговаривают, это все неправда.

– И он ничего не крал? – тихо спросил Кадфаэль.

Девушка нисколько не смутилась, глаза ее, ни разу не моргнув, выдержали его взгляд.

– Может быть, что-то съестное, когда он был голоден: яйцо из-под курицы, куропатку в лесу, даже каравай хлеба... Это могло быть. Он всю жизнь голодал. – Как ей было не знать этого? То же самое она на себе испытала! – Но еще что-нибудь? Украсть деньги или золото? Какой ему от этого был бы прок?

Нет, он не из таких! Это – никогда!

Кадфаэль первым заметил высунувшуюся из двери зала голову и тихонько предупредил Раннильт:

– Ну, беги! Скажешь, что это я тебя задержал расспросами, но ты ничего не знала и ничего не могла сказать.

Раннильт мгновенно все сообразила. Прежде чем раздался нетерпеливо окликавший ее голос Сюзанны, она уже спешила к хозяйке со всех ног.

Не дожидаясь, когда она скроется в доме вслед за своей госпожой, Кадфаэль повернулся и зашагал через проход между мастерскими на улицу.

Болдуин Печ с кружкой пива в руке сидел на крыльце своей мастерской. Поскольку улочка была узкой, а оба дома, обращенные фасадом на северо-запад, были погружены в глубокую тень, у него, очевидно, имелась особенная причина отдыхать именно в этом месте. Все жители города, которые вчера веселились на свадьбе в доме Уолтера Аурифабера, сегодня поднялись, едва только пришли в себя после вчерашнего гулянья, и с утра все были уже на ногах, а их раннему пробуждению и бодрости в немалой степени способствовал запас удивительных новостей, которыми нужно было как можно скорей поделиться с соседями, и надежда узнать все мельчайшие подробности.

Мастер Печ был коренастый крепыш лет пятидесяти с наметившимся круглым брюшком; среди сограждан он слыл знаменитым рыболовом, однако не умел хорошо плавать, что было редкостью для жителей города Шрусбери, с трех сторон омываемого водами Северна. У него действительно был длинный нос, который чутко поворачивал по ветру, едва где-нибудь повеет скандалом, однако хозяин с осторожностью пользовался возможностями этого тонкого инструмента, смакуя чужие неприятности как бы из любви к искусству, а не ради собственной выгоды. У него было простецкое, круглое, вечно улыбающееся лицо с бледно-голубыми глазками, в которых то и дело вспыхивал огонек веселого любопытства. Кадфаэль слишком хорошо знал Болдуина Печа и остерегался сказать при нем лишнее. Но сейчас он первым поздоровался, как бы напрашиваясь на беседу, хотя был уверен, что Печ только и выжидает удобного повода, чтобы подцепить собеседника.

– Ну что, брат Кадфаэль, – начал Печ с простодушным выражением, – вы, верно, приходили лечить моих соседей. Как им не повезло! Надеюсь, что они не слишком убиты горем? Мой мальчонка говорит, что они уже немного пришли в себя и у обоих дела идут на поправку.

Кадфаэль дал приличествующий случаю ответ, чтобы побудить Печа рассказать все, что тот знает, и выудить из него побольше подробностей. Он помалкивал, а сам держал ухо востро. Ему пришлось сызнава выслушать уже знакомый рассказ, на сей раз уснащенный живописными подробностями, на какие Печ был большой мастер. Один раз за время их беседы из мастерской выглянул подмастерье Печа, видный парень, живший в двух кварталах отсюда с овдовевшей матерью. Работник бросил понимающий взгляд на своего хозяина и вновь скрылся в мастерской, убедившись, что сегодня ему предстоит самому справляться с работой, что, впрочем, его вполне устраивало. Джон Бонет давно уже научился всему, что мог ему показать наставник, который хорошо знал свое дело, но был не в меру ленив; так что теперь подмастерье вполне управлялся без чьей-либо помощи. У Печа не было сыновей, оставлять мастерскую в наследство было некому, а своему помощнику он доверял, во всем на него полагался, и тот готов был терпеливо ждать своего часа.

– А брак-то удачный, – сказал Печ, многозначительно ткнув брата Кадфаэля в плечо. – В особенности, если окажется, что сокровище Уолтера и впрямь окончательно пропало. Дочка Эдрета Беля получит такое наследство, которого хватит, чтобы возместить по крайней мере половину потери. Не зря Уолтер потрудился, чтобы заполучить ее в невестки, да и старуха не сидела сложа руки. Уж эти двое никогда не промахнутся! – Печ многозначительно потер друг о друга большой и указательный пальцы, толкнул в бок Кадфаэля и подмигнул одним глазом. – А девица уж никак не красавица и никаким искусствам не обучена – ни тебе спеть, ни станцевать как следует, чтобы развлечь общество. Однако и не уродина, так что в общем вроде и ничего, а иначе бы парня нипочем не уломали, тем более у него уже есть с кем сравнивать!

– Он – видный юноша, – спокойно сказал Кадфаэль. – И, говорят, неплохой умелец в своем ремесле. Он и наследство получит хорошее.

– Да вот только сейчас-то не больно ему богато живется! – прошептал Болдуин, придвигаясь поближе и снова весело тыча Кадфаэля в плечо острым пальцем. – Ждать-то – оно хуже всего! Молодежь живет сегодняшним днем, а не

завтрашним, а что до женитьбы, так тут, знаете ли, еще как посмотреть! Старушка пускай и обожает его, и нарадоваться не может на красавчика внука, а раскошелиться не больно спешит, так что ему не много от нее перепадает на лакомства. А ведь то, что ему по вкусу, пожалуй, дороговато стоит!

У Кадфаэля промелькнула запоздалая мысль, что человеку в монашеском платье несколько неприлично жадно слушать городские сплетни, но он все же продолжал слушать, не опускаясь до расспросов. Впрочем, заядлый сплетник и не нуждался в расспросах. Однажды разоткровенничавшись, он вошел в азарт и явно не собирался замолкать.

– Хотите верьте, хотите нет, – продолжал он, дыша в самое ухо Кадфаэлю, – но он ведь уже, случалось, запускал руку в ее кошелек, хотя старушку, казалось бы, нелегко провести. Нынешняя его зазноба дорогонько ему обходится, а уж когда муженек проведает про эти фокусы, тут уж и вовсе такое начнется! Можно заранее сказать, что, дай ему только прибрать к рукам невестино приданое, он все спустит на украшения другой красотке. Нельзя сказать, чтобы он что-то имел против женитьбы. Когда их сватали, девушка ему нравилась, а уж ее денежки и тем более. Да только есть другая, которая нравится ему больше всех. Что касается имени, тут лучше молчок: имя назовешь – врага наживешь. Но вы бы только видели ее вчера у них на свадьбе! Наглая, что твоя королевская любовница! А старикан-то ее рядом с ней пыхтит, отдувается, пыжась от гордости, что ведет первую красавицу, а она в это время с женихом переглядывается, и оба чуть не покатываются со смеху, глядя на старого дурака. И ни у кого, кроме меня, не хватило зоркости, чтобы углядеть, как они перемигнулись.

– Вот и хорошо! – рассеянно отозвался Кадфаэль, думая в это время о другом.

Слушая Печа, он понял, отчего Даниэль так невзлюбил этого жильца. Кадфаэль даже не думал подвергать сомнению те сведения, которые он почерпнул от Печа, потому что соглядатай по призванию никогда не успокоится, пока не разнохает всю подноготную. Хотя он ни словом не обмолвился о своих открытиях Даниэлю, тот, очевидно, был не так прост, и красноречивое подрагивание любопытного носа, многозначительные взгляды холодных глаз подсказали ему, что его любовные похождения отнюдь не были тайной для соседа. А кто же тогда обманутый старый муж, присутствовавший на свадьбе в качестве почетного гостя? Видимо, он богатый и уважаемый купец и у него молодая, хорошенькая, самоуверенная жена... Может быть, он женат на ней

вторым браком? Городок был не так уж велик, чтобы Кадфаэлю пришлось долго гадать. Конечно же, это был Эйлвин Корд. Овдовев два или три года тому назад, он вновь женился, к неудовольствию своего взрослого сына, на красотке втрое моложе себя, а звали юную щеголиху Сесили...

- На вашем месте я бы держал язык за зубами, - дружелюбно посоветовал Кадфаэль. - Гильдия купцов, торгующих сукном, - большая сила в нашем городе, и не всякий муж скажет спасибо за то, что ему открыли глаза.

- Это я-то, и проболтаться? Да никогда в жизни! - Его глаза сверкнули добродушным весельем, ноздри длинного носа затрепетали. - У меня есть уютный уголок, который я снимаю в доме покладистого хозяина. С какой стати я сам разрушу то, что меня устраивает! Я люблю позабавиться, но только сам с собою, не подымая шума. И что в этом плохого, раз я никого не обижаю!

- Совершенно ничего! - согласился с ним Кадфаэль и, попрощавшись, направился в сторону извилистого спуска.

Кадфаэлю было над чем поразмыслить, потому что он еще сам не знал, что ему думать об услышанном. Так что же нового удалось выведать? Что Даниэль Аурифабер завел шашни с Сесили Корд, чей муж, купец, торгующий шерстью, скупает товар в соседнем Уэльсе, чтобы затем перепродать его в Англии, и потому нередко отлучается из дому на несколько дней. Эта дама, при всей своей влюбленности, слишком привыкла к подаркам, которые стоят недешево, а молодому человеку мешают развернуться два скупердяя - отец и бабка, и он, если верить слухам, уже начал таскать у них то, что плохо лежит. Задача для него не из легких! Отец, кажется, как раз собирался спрятать добрую половину невестинного приданого от греха подальше, чтобы уж никто к нему не подобрался. А события нынешней ночи повернулись так, что кто-то, от кого он прятал добро, забрал его и перепрятал посвоему. Такое случается в семьях.

Что еще? Что Даниэль был далеко не лучшего мнения о досужем арендаторе, который тратил свое свободное время на то, чтобы совать нос в чужие дела.

Он даже утверждал, что счел бы Печа главным подозреваемым, если бы тот не находился у него на глазах в то время, когда произошел грабеж.

Ну что же! Время покажет. Впереди еще целых сорок дней.

Месса уже закончилась, когда Кадфаэль, перейдя через мост, вошел в ворота и вступил на монастырский двор. Брат Жером, неотлучная тень приора Роберта, поджидал его возвращения, чтобы первым перехватить на пороге.

– Его милость господин аббат просил тебя явиться к нему до обеда. – Тонкие ноздри острого носа брата Жерома неприязненно подрагивали от скрытого неодобрения. Его поведение, выражение лица были Кадфаэлю еще противнее, чем откровенное удовольствие Болдуина Печа, наслаждавшегося собственной подлостью. – Надеюсь, брат Кадфаэль, что ты не будешь вмешиваться, предоставив все течению времени и закону, и не будешь впутывать в это грязное дело наш монастырь, которому надлежит только исполнять долг, дабы соблюдено было право церковного убежища. Тебе не следует брать на себя обременительные обязанности, вмененные правосудию.

Хотя приор Роберт не давал Жерому устных указаний, тот прочел невысказанное распоряжение по нахмуренным бровям своего повелителя. Лиливин, это обтрепанное, жалкое подобие человека, раздражал приора Роберта, словно запутавшийся в одежде колючий репей, который нестерпимым зудом терзал его аристократическую кожу. Приор чувствовал, что ему не будет покоя, пока нежеланный постоялец остается в обители, и для того чтобы восстановить привычную гармонию существования, нужно было поскорее избавиться от этого инородного тела. Если уж говорить честно, то не только его покой, но и покой всего монастыря был нарушен, и всю братию лихорадило с тех пор, как мирские ветры занесли в обитель эту заразу. Соседство страха и страдания воистину разрушительно.

– Аббат хочет видеть меня лишь для того, чтобы узнать про самочувствие моих подопечных, – сказал Кадфаэль, проявляя редкостную терпимость в отношении столь несимпатичных ему людей, как приор Роберт и его секретарь. Ибо их мучения, их мелочные заботы, столь непонятные ему, заслуживали сочувствия. Воистину стены сотряслись, и укрывшиеся в них души вострепетали. – Я достаточно обременен заботами о больных, чтобы искать себе новых. Кто-нибудь дал парнишке поесть, врачевал его раны? Вот все, что меня волнует.

– Брат Освин о нем заботится, – ответил Жером.

– Вот и хорошо! Тогда я пойду засвидетельствовать мое почтение отцу аббату, а потом хочу пообедать. Я и так уж остался без завтрака, а в городе народ такой рассеянный, что никто не подумал предложить мне подкрепиться.

Направляясь через двор к покоям аббата, Кадфаэль перебирал в уме собранные по крупицам сведения, прикидывая, какими из них он поделится с аббатом. Мирские толки о любовных делишках, конечно, не для аббатских ушей, то же самое можно сказать о засохшей капельке крови, к которой прилипло два льняных волоска, по крайней мере до тех пор, пока бродячий актер, который должен один бороться против всего света, отстаивать свою жизнь, не воспользовался правом самому рассказать все о том, что случилось.

Радульфус без удивления воспринял известие, что вся свадьба единодушно утверждает, будто виновник ограбления – Лиливин. Но в то же время ему показалось неубедительным утверждение Даниэля и других гостей, будто бы они способны были в течение целого вечера не спускать глаз со всех присутствующих.

– Там был полный зал людей, притом множество пьяных, празднование длилось несколько часов – возможно ли тут ручаться, что ты запомнил, кто и когда пришел или ушел? С другой стороны, когда столько людей одинаково излагают одну и ту же историю, к этому нельзя не прислушаться. Ну что ж! Нам остается делать свое дело, а остальное предоставить служителям закона. Сержант сообщил мне, что шериф сейчас в отъезде – отправился в восточную часть графства, чтобы рассудить соседский спор между тамошними рыцарями, – однако помощник шерифа вернется в город сегодня вечером.

Для Кадфаэля это было приятной новостью. Хью Берингар не допустит, чтобы правосудие, цель которого поиски истины, пошло по пути наименьшего сопротивления, для удобства попросту отбрасывая разные мелкие детали, которые не укладываются в общую картину. Между тем Кадфаэль как раз собирался при встрече с Лиливином уточнить одну такую деталь, благо нужно было повидаться с юношей, чтобы передать его вещи. После обеда Кадфаэль отправился на поиски жонглера и вскоре нашел его в одном из помещений монастыря; позаимствовав у кого-то иголку с ниткой, юноша, как умел, пытался залатать прорехи в своей одежде. Не трогая повязки на лбу, он чисто умыл лицо. Оно было бледное и худое, но кожа была гладкой, а черты приятные и даже тонкие. Помыть голову он не смог, и волосы оставались по-прежнему грязными, однако он их тщательно расчесал.

Начать, пожалуй, следовало с пряника, а кнут оставить на потом. Кадфаэль подсел к Лиливину и бросил ему на колени узелок:

- Вот тебе часть твоего имущества в качестве задатка! Ну что же ты? Развяжи!

Но Лиливин уже признал старую лиловую тряпицу. Сначала он молча разглядывал ее, словно не веря своим глазам, затем развязал узел и запустил руки в скромные свои сокровища; от счастья его лицо покрылось легким румянцем, казалось, что нечаянная радость впервые за все это время возвратила ему утраченную веру в то, что в жизни может встретиться и что-то хорошее и доброе.

- Но откуда вы это взяли? Я думал, что никогда уже не увижу этих вещиц! Значит, вы вспомнили и попросили их отдать... ради меня... Как вы добры!

- Мне даже не пришлось просить. Старая хозяйка, которая ударила тебя, хотя и свирепа, не приведи Господи, однако же честная женщина. Она никогда не возьмет себе чужого, хотя и трясется над каждым пенни. Она сама прислала тебе твои вещи. Нельзя сказать, чтобы госпожа выказала при этом особенную любезность, но не об этом сейчас речь. Так что прими это как добрый знак. А как ты себя сегодня чувствуешь? Тебя покормили?

- Очень хорошо! Мне сказано, чтобы я приходил за едой на кухню, и мне дают завтрак, обед и ужин. - Казалось, Лиливин сам себе не верит, говоря о том, что получает еду три раза в день. - И мне положили соломенный тюфяк вот тут у дверей. Ночью я боюсь выходить из церкви. - Лиливин сказал это очень просто и затем смиренно добавил: - Им не нравится, что я здесь. Я у них точно кость в горле.

- Они привыкли к покою, - миролюбиво согласился Кадфаэль. - А ты приносишь беспокойство. Так что потерпи, они ведь тоже терпят. А начиная с сегодняшнего дня ты можешь спать спокойно. Помощник шерифа возвращается в город сегодня вечером. Поверь мне, на него ты можешь положиться. При нем никто не нарушит закона.

Лиливина это не успокоило; после всего, что ему довелось испытать в жизни, он отвык на кого-то полагаться, и все же возвращенные вещицы, которые он

бережно запрятал к себе под тюфяк, стали для него залогом надежды. Юноша промолчал и терпеливо склонил голову над шитьем.

– А поэтому, – быстро сказал Кадфаэль, – постарайся-ка вспомнить, что ты мне в тот раз недосказал, и расскажи сейчас. Ведь ты не удалился так безропотно, как можно понять из твоих слов, не так ли? Так что же ты делал, подпирая дверной косяк в мастерской Уолтера Аурифабера? Ведь это было намного позже того часа, когда ты покинул дом и якобы растворился в ночи? Зачем ты вернулся, как вновь оказался на пороге мастерской, откуда прекрасно был виден сундук, и притом – с откинутой крышкой? А заодно и склонившийся над ним мастер Аурифабер!

Иголка дрогнула в руке Лиливина, и он уколол себе палец. Юноша выронил иголку, нитку, свою одежду и, засунув в рот уколотый палец, поднял на брата Кадфаэля испуганный взгляд широко открытых глаз. Сначала он громким, срывающимся голосом начал все отрицать:

– Я там совсем не был... Я ничего не знаю про...

Но тут он сник и спрятал глаза. Заморгав длиннющими, как у породистой коровки, ресницами, которые густой бахромой окаймляли опущенные веки, он молча потупился, уставясь на свои раскрытые ладони.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Хор – восточная часть католического храма, где находятся во время богослужения духовенство и певчие.

2

Жонглер – в описываемую эпоху странствующий актер, певец, музыкант, гимнаст.

Купить: https://tellnovel.com/piters_ellis/vorobey-pod-svyatoy-krovley

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)